

КАРИНА ДЕМИНА
ОЧЕНЬ ДРЕВНЕЕ ЗЛО

Карина Демина
Очень древнее зло
Серия «Пять невест и
одна демоница», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68933529
Очень древнее зло / Карина Демина: Авторское; 2023

Аннотация

Пропали невесты? Очнулось от тысячелетней спячки древнее Зло, некогда почти уничтожившее мир? И Проклятый город готов принять гостей?

Пускай.

Повелитель Тьмы готов ко встрече и с городом, и с древним Злом, и даже с невестами. К чему не готов? Так к тому, что подвиги подвигами, а свадьба свадьбой. Чья? А тут уж как кому повезет.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	32
ГЛАВА 4	44
ГЛАВА 5	56
ГЛАВА 6	69
ГЛАВА 7	82
ГЛАВА 8	103
ГЛАВА 9	117
Глава 10	129
Глава 11	143
Глава 12	155
Глава 13	170
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Карина Демина

Очень древнее зло

© Карина Демина, 2023

ГЛАВА 1

В которой в определенной мере достигается взаимопонимание

«Долго мучилась царица, но на третий день родила она дитя – девочку, с кожей белой, что снег, с волосом черным, будто уголь. С глазами синими-синими. Глянула в них царица и вдох последний испустила»

«Сказка о заклятой царевне».

– Это совершенно невозможно, – веско произнес посол Ладхема и поклонился. Низко так. Словно этим поклоном извиняясь за то, что перечит многоуважаемому Повелителю Тьмы.

– Там не место людям, – устало произнес Ричард.

А я подумала, что вот надо не уговаривать, а как-нибудь так... иначе... скажем, позвать всех на ужин торжественный... ну, мало ли, похищение невест – тоже повод. Главное, чтоб вместе. А там усыпить.

Или запереть.

А лучше сперва усыпить, а потом запереть. Но так, чтоб не совсем, чтоб потом уже, когда проснутся, выбрались. Мало ли как оно.

Главное, что всяко надежнее, чем с уговорами.

– И это я осознаю, – голос посла звучал печально, да и вид у него был такой, что прямо жаль стало человека. Он ведь не самоубийца, пусть и рвется изо всех сил к подвигу. – Но что я скажу моему господину? Что трусливо остался в Замке в тот миг, когда дочери его нуждались во мне? В моих людях?

Тихо стало.

Вот нервирует меня эта тишина. И люди, преисполнившиеся некой мрачной торжественности. Шкурой чувствую грядущие приключения. И это чувство мне категорически не нравится.

Поэтому я поерзала на стульчике.

– Он правду говорит, – вступил виросец, бороду оглаживая. – Государь не одобрит, ежели я брошу Её высочество. Государь сестру любит... да и... негоже это, сиднем сидеть, когда от такое вот.

И руки развел, показывая это самое «такое от».

Степняк склонил голову, пальцы его скользнули по плети.

– Теттенике – сестра моя. И сердце мое обливается кровью от мысли, что я не уберег её от беды. Я уговорил отца послать её, дать свободу. И мне нести ответ. Перед ним. И перед собой. А потому, многоуважаемый... – вот это было сказано с легким раздражением, мол, какое тут уважение, когда обещали безопасность, а получилось – что получилось. – Даже если ты не возьмешь нас, и не укажешь путь к городу, я пойду его искать сам.

Он огляделся и узкие глаза блеснули.

– Мы с тобой, – прогудел северянин, до того молчавший. – Может, мы никому ничего не обещали. Но на Островах своих не бросают.

Ну вот, и спасательная экспедиция самоорганизовалась.

Осталось понять, что делать со всею этой толпой. Я поглядела на Ричарда и тихо сказала:

– Я тоже иду.

– Нет.

– Иду, – я осторожно взяла его за руку. – Что бы там ни было, но... лучше уж там быть, чем ждать.

– Это Мертвый город, – Ксандр нарушил молчание. – Там таким как мы, сложно.

– В каком смысле?

Руку я не выпустила.

И... и может, сейчас пожениться? Он ведь предлагал. А я, дура, промолчала. И вот теперь сижу, кусаю губы, потому что... потому что и вправду, как знать, что там, в будущем?

Мы все умрем?

Или я вырву чье-то сердце? И мне даже думать об этом страшно. А еще шепчет голос здравого смысла, что от меня в походе грядущем никакой пользы, вред один. Я еще в прошлом мире походы не больно-то жаловала, даже те, которые рядом с городом. Лес там. Речка. Кочки, корни и вездесущие муравьи. А тут что? Вместо муравьев нежить разнообразная?

И перспектива свихнуться, не справившись с демониче-

ской кровью.

Может... может, действительно остаться? Сяду у окошка. Одолжу там в каком посольстве – не полным же составом они спасать попрутся – вышивку и займусь подобающим прекрасной даме делом. Буду иголкой в ткань тыкать и размышлять о высоком.

Время от времени слезу уроню.

Чушь какая...

Нет, здесь, в Замке, я раньше свихнусь. От неопределенности. От ожидания. От страха. И не только за Ричарда. Они ведь все... Ксандр, который снова вроде бы в стороне держится. И смотрит на Ричарда с такой нечеловеческой тоской, что... что просто слов нет.

Лассар мрачен.

И молчит.

Легионеры... я их не знаю. Они все одинаковы, словно отражения друг друга. А может, и вправду отражения. Кто этот мир поймет. Но они, пусть и мертвые, а все равно живые.

Они ведь тоже могут не вернуться.

– Мертвый город, – голос Лассара наполняет обеденную залу. – Полон тьмы. И пусть даже Младший бог или что там... заперт, но тьма первозданная жива. И она зовет. Всех, в ком есть.

– И тебя? – хмуро поинтересовался степняк.

– И меня. Их... – он обвел легионеров рукой. – Она... у неё множество лиц. И голосов. Там, за чертой, легко пове-

ритель, что твои мечты, твои желания сбудутся. Она каждому пообещает то, тайное, что скрывается в душе.

– А тебе? – не удержался Светозарный, сжимая древний меч. – Что она обещает тебе?

– Покой, – Лассар ответил спокойно и взгляда не отвел. – И мне. И всем им... если бы ты знал, мальчик, до чего уютно-миленько вечная жизнь.

– Так! – Ричард вскинул руки. – Этак мы точно никуда не выйдем. Ксандр, карты носи. Стол...

Стол нести не пришлось. Он был и достаточно большой.

– Во-первых, нужно оставить людей в замке, – теперь он изменился. Исчезла эта вот его обычная неуверенность. И... и я любовалась им.

Повелитель?

Может, и так. Но... не в этом дело. Титул – это одно, а суть – другое.

– Из того, что сюда проник сайрин... и не только... – Ричард бросил быстрый взгляд на меня. – Делаю вывод, что защита Замка давно уже перестала быть непреодолимой. Скорее всего дело именно в зеркалах. И в этих... проходах.

– Порталах, – подсказала я.

– Порталах. Пускай. Так вот, возможно, ритуал, начавшись когда-то, действительно запустил... создал... проходы на изнанку мира. Я не ученый. Не знаю, – Ричард принял тубу с картой. – Но вряд ли эти... порталы были стабильны. Скорее всего они существовали на грани. А потом...

Потом что-то случилось.

– Анна. И её договор с демоном, – подсказал Лассар. – Добровольный. Она должна была отдать часть души, ту, что еще позволяла ей оставаться человеком. А это сила. Капля, но как есть. И порталы начали оживать. Потом жертва... огромная жертва, но не та, на которую рассчитывал демон. Несиар сумел воспользоваться порталом. И покинул долину.

– И система ожила, – я сказала и поспешно втянула голову в плечи, уж очень все нехорошо посмотрели. А Светозарный и вовсе меч оглаживает, презадумчиво так, превыразительно.

У меня прямо мурашки по хвосту побежали.

– Ожила...

– Только криво, – я поерзала и постаралась сделать вид, что не вижу ничего вот этого, ни взглядов, ни поглаживаний. – Потому что... потому что ровно такое точно сразу не заработает. А уж спустя тысячелетия. И вообще вот так вот... тварь... душница... спряталась там, на изнанке. И потерялась. Но потом нашла...

– Мою мать.

– Именно. И там уже... твоя мать добавила ей сил. Те смерти, силы, куда-то ведь уходили? И если система порталов, получая силу, стабилизировалась, то... то, возможно, эти порталы куда-то открывались. И где-то там появлялись проходы, – я махнула в рукой. – В горах. А там твари... твари проваливались и оказывались внутри Замка. Только... вряд

ли их было много.

– Да и душница должна была что-то есть, – протянул Лас-сар.

– У нежити нет души, – Светозарный руку с меча все-таки убрал.

– У нежити – нет, но не все твари в полной мере являются нежитью, – Ксандр вернулся и выложил на стол длинные тубы. – Многие по сути те же животные, пусть и измененные тьмой. А стало быть, пусть и не полноценная душа, но какая-никакая сила в них имеется. Сайрин и вовсе близок к человеку.

Всех передернуло.

А я подумала, что в здешнем мире эволюционистам придется сложно.

– Как бы то ни было, будем считать, – мой голос звучал отвратительно бодро. – Что тварь взяла и... и научилась как-то открывать порталы? Проходы? Главное, она открыла их для...

Слово «невеста» застряло у меня в горле. И злость накатила такая. Не они невесты! Они тут... по недоразумению! И вообще...

– Их высочеств, – заговорил ладхемский посол. – Что ж, пусть даже мы не столь хорошо знакомы с магией, но теория выглядит вполне... правдоподобной.

Виросец склонил голову, показывая, что полностью согласен с коллегой.

– Осталось понять, куда их выбросило, потому что...

И снова молчание.

Взрослые люди. Суровые. Опытные. Иных бы не послали.

Но и они боятся сказать вслух то, что вертится на языке у каждого. Будто, облеченное в слова, оно вдруг сбудется.

И демоница пожалеет несчастных принцесс.

Или...

– Мертвый город, – Ксандр вытряхнул из тубы желтый свиток, даже с виду хрупкий. – Больше некуда. Если порталы куда и открываются, так туда... только там еще осталась подобного рода... твари.

Пальцы потянули за тонкую ткань.

Пергамент?

Бумагу?

Чем бы это ни было, но оно оказалось довольно длинным.

– Будьте добры, – Ксандр протянул край Светозарному и тот прижал его пальцем. – Это самая древняя из карт. По преданию, её рисовал Ричард I, но не уверен, что это и в самом деле так.

– Аснот, – Командор прижал другую сторону карты. – Хороший мальчишка. Толковый. Воин из него, правда, никакой, но вот с картами он ловко управлялся.

Желтизна была неравномерной, где-то ткань – или все-таки пергамент? – светлела почти до идеальной белизны, где-то, напротив, становилась столь темной, что и линий-то не различить.

Люди потянулись к столу.

И обступили его.

Я же, протиснувшись меж двумя ладхемцами, прижалась к Ричарду.

Город...

Никогда не любила чертежи.

– Краины он еще толково сделал, но вот центр пришлось рисовать вместе с Ричардом. И мной. По памяти. А что там теперь на самом деле, как знать.

Дворец.

Белый-белый. И прекрасный, как сказка. А в нем комната.

Откуда я это... знаю? Не помню. Не... не знаю. Но знаю.

Так. Сейчас и сама запутаюсь.

– Дорога идет сюда, – палец Лассара скользнул по нити, что пробивалась меж скал. – Но мост через озеро разрушен. Я сам перебивал опоры.

А ведь озеро я только теперь и увидела.

– Озеро? – удивился вироссец.

– Не совсем, чтобы озеро, – Лассар поморщился. – некогда город стоял на берегу. И порт имелся. Самый большой в Империи, а стало быть и в мире. Но и его было мало. Так что появился проект.

Он постучал закованным в броню пальцем по карте.

– Порвешь, – буркнул Ксандр не слишком довольный.

– Зачарованная... так вот. При моем отце поставили дамбы. Северную и южную. Часть земель затопили, предвари-

тельно что-то там сделали. Демоны.

Само собой.

Кому еще работать на стройке.

Почему-то демонов было жаль. Может, они и кровожадные твари, но так и люди не лучше.

– Северная стала продолжением порта. А вот с юга устроили цепь озер. Или как оно называется. Там Император отдыхать любил.

– А потом...

– Потом, когда все это случилось, горы отрезали город от моря. А вот вода осталась. Затопило часть кварталов, ну и вышло озеро. Оно огибает город с юга, потом тянется...

Палец скользил по карте, вырисовывая что-то, явно понятное мужчинам. Вон, переглядываются, кивают.

– Раньше там водилась рыба.

– А теперь?

– Теперь чего только не водится... но если взять левее, сюда вот, здесь остатки дамбы. И по ним можно пройти. Непросто, но можно. Охотники как правило и выбирают этот путь.

– Другие?

– Лодки. Плоты. Один идиот вплавь решился... спасти не успели.

Да, чувствую, и не очень старались.

– Насколько это... опасно? – осторожно поинтересовался ладхемец. – В том смысле, к чему нам готовиться?

– Сама дорога в принципе безопасна, – Ричард склонился

над картой и я видела лишь его светлую макушку. – Крупных тварей давно уже вычистили. Да и тьма... она все-таки разрушается. Медленно. Очень медленно, но разрушается. И если изначально она накрывала всю долину, то уже через двести лет пятно уменьшилось. И продолжало уменьшаться год от года.

– В прошлом году и пшеница взошла, – подал голос Ксандр. – Правда, урожай был слабым, но все же был.

– Твари или отступали следом за тьмой, или погибали. Теперь, если что-то и осталось, то в городе. Да, за ним приглядывают. И за дорогой, – Ричард повернул карту. – Проблема в другом... этот путь займет несколько дней, если не больше.

Сказал и замолчал.

И Ксандр не спешил. И все-то тоже молчали, обдумывая сказанное. Несколько дней – это много.

Слишком много.

Это... это хватит, чтобы умереть. Им. Там. И... и пусть моя демоническая часть не имеет ничего против, она бы во все никого не стала спасать. Но я же человек.

Все еще человек.

И я хочу им остаться.

– Другие... – севшим голосом сказал виросец. – Варианты?

– Лошадей довольно, – степняк уставился на карту. – Степные жеребцы выносливы. Они могут долго бежать.

– Дорога старая, – покачал головой Ксандр. – Камни. Вы-

боины. Завалы местами. Там не так много участков, на которых можно пустить лошадь галопом. А если лес, то... тоже.

– А если... – палец островитянина ткнул куда-то в карту. Я по-прежнему в ней ничего не понимала. Бумага. Линии. Квадратики, треугольники. И снова линии. Знаки какие-то. – Если морем? Тут вот пройти... к вечеру управимся. На весла сядем.

– Небезопасно, – Лассар обошел стол, будто с другой стороны карта была иной. – Когда-то бухта была просторной и удобной. Но... горы поднялись. Там скалы. И рифы. Течения. Не говорю уже о тварях.

– Пройдем. Посадка неглубокая... а твари... как-нибудь да управимся.

Прозвучало это не слишком вдохновляюще.

А я подумала, что на корабль не хочу.

У меня морская болезнь и... и вообще я плавать не умею!

– Зато быстрее будет. Тут идти всего ничего, ежели морем.

Потом... вот, проход. Сохранился?

– Понятия не имею...

Я попятилась.

Тихонько так.

– Если что, то можно к берегу...

– А если разделиться? Часть по дороге...

– ...не самый разумный вариант. По частям перебить легче...

– ...все не влезем. Если люди, то еще ладно, а вот верхо-

вые...

— ...все-таки надо разделяться, потому как...

Я слушала обрывки разговоров, понимая, что здесь и сейчас ничем не могу помочь. И чувство беспомощности было острым. И еще... еще не отпускала мысль, что я лишняя.

Среди этих людей.

И вообще...

Выбравшись из толпы, я остановилась, ожидая, обратит ли кто внимание. И наверное, это было совершенно эгоистично, но мне безумно хотелось, чтобы Ричард почувствовал. Обернулся. Спросил, куда это я. Чтобы... чтобы приказал остаться и не отходить от него ни на шаг. А я бы, возможно, даже обиделась. Но подчинилась бы. Это ведь правильно, не отходить ни на шаг от человека, которого любишь.

Без которого не можешь жить.

А я... я разве так?

Не знаю.

Но он не заметил. Он о чем-то увлеченно беседовал, то ли с ладхемцами, то ли с вироссцами. Или со всеми и сразу. Я слышала голоса, я могла бы услышать, и о чем они говорят, все эти люди. А вместо этого просто стояла.

Смотрела.

И когда надоело, вышла из зала. Прислонилась спиной к стене. Закрыла глаза. Что мне делать? И... и как не сделать глупость, о которой я буду жалеть. А ведь сделаю. Всенепременно сделаю.

ГЛАВА 2

Где готовится спасательная экспедиция и выясняются отношения

«А на третий день поднялся ветер. Гнул он мачты, срывал паруса. И море поднималось, одна волна другой выше. Разверзлась пучина. И закричали люди, что, мол, виной тому – ведьма, что пробралась на корабль тайно. Да всякому известно, что море не терпит обмана. Тогда-то и вытащили они пассажиров, и раздели их...»

Сказка о проклятом корабле и морской ведьме

Дэр Гроббе, услышав, что от него потребуется, провел ладонью по отросшей щетине и улыбнулся. Так счастливо, что прямо не по себе сделалось. Ричарду.

Нормальные люди не должны так улыбаться, услышав весьма сомнительного свойства предложение.

– Стало быть, фрахт? – уточнил дэр Гроббе преласково. – К Проклятому городу пойдём? Морем? Через Мертвую бухту? И под Призрачными воротами?

– Ну... примерно так.

– Туда, откуда ни один корабль еще не вернулся?

Ричард вздохнул и, потупившись, подтвердил:

– Да.

– Знаешь... а мне ведь гадалка еще когда предсказала, что своей смертью я не помру.

– Нам нужен корабль.

– Так я же ж что, против? – дэр Гроббе вытянул руку и свистнул. Спустия мгновенье на руку эту рухнул попугай.

– Задница! – возвестил он хриплым надсаженным голосом. – Твою душу в акулю мать!

– Тихо, – дэр Гроббе почесал клюв и попугай застыл, прикрыв глаза. – Стало быть... я-то и вправду... оно-то, мирная жизнь, хорошо. Да вот тут что-то свербит.

Он стукнул кулаком по груди.

– Нейдется... матушка моя покойная все повторять любила, что горбатого только могила... а такого... обо мне всякого говорили, все больше матерно.

Сказано это было печально, даже мечтательно.

– Да и жизнь у меня была... да... еще когда к твоему ба-тюшке шел, думал, что вот оно, конец. Сожрет проклятый душу и не подавится.

– Сволочь, – поддержал попугай.

– Да только куда нам еще было податься? Накуролесили, да... свои бы сдали, вот и вышло, что вышло... а он принял. Только сказал, что ежели бузить станем, сам акулам скормит. И ведь скормил бы. Серьезный мужик...

– Как вы с ним познакомились? – Ричард указал на кресло. – Садись.

– Обыкновенно... заказывал один человек через нас всякое там. Не подумай. Шелка вот. И камни драгоценные. Купцов сопроводить, чтоб, стало быть, не сбегли куда. И чтобы со всем почтением. Мастеров всяких... мебельщиков. Или вот цветочных. Думаешь, откуда я всякой этой хрени понахватался? В море-то частенько тоскливо, вот и начинаешь беседы вести с умными людьми. Про обои. Про ткани, какие там для мебели годятся, а какие нет. Про моды и прочее.

Ричард, честно говоря, в принципе над подобным не задумывался.

– Для матушки твоей, как оно после выяснилось, да... я-то работал, пока совсем горячо не сделалось. Дружки старые, дела... море за бортом горело. Ну и кинулся туда, где, может, и не убьют. Не убили.

– Я тебя почти не помню.

– Так... ты того... болел много.

– И этого не помню, – признался Ричард. Только щека дернулась. Это неправда. То, что сказала тварь, не могло быть правдой. Он никого не убивал.

Он...

– Я помню, – дэр Гроббе потер подбородок. – Ты уж извини, что я так... твой отец не отличался разговорчивостью. И в замке никого не привечал. Сперва-то да, иначе все было. А потом переменялось. Не сразу, нет... в море же ж как? Ушел. И добре, ежели за месяц-другой обернулся. Случалось, что

и дольше. Вот ты там живешь, а прочие все – туточки. Да и в целом, дело мое маленькое было. Привезть. Увезть. Встретить. Приветить. Проследить, чтоб не нагтели, обворовываючи. Ну а тут... я и в Замке-то бывал, но дальше двора не пускали. Потом-то и того не стало. Уже после, стало быть, как матушку твою похоронили, так он совсем затворником сделался. Оно и понятно, любил её крепко.

Не знает.

И... и, наверное, хорошо, что не знает.

– Ну а потом... твой отец призывал, я являлся. Не скажу, что стремился сюда. Тут было как-то вот... нехорошо, что ли?

А Ричард все равно не помнит. И эта вот украденная память теперь представляется ему запертой дверью, которую надо открыть.

Или нет?

Как знать, что за дверью этой прячется? И не станет ли только хуже?

– А с тобою мы в городе встречались. Ну, потом уж. Когда он дозволение дал. И тебя привозил. Мы в море выходили. Помнишь?

– Нет.

– Ну... – дэр Гроббе смутился. – Ты... тебя Ксандр принес. Ты и на ногах-то едва-едва стоял. Стоял и пялился на море. Никого будто не видел. Мы и пошли. Потихоньку. А там волны. Ветер. Дети-то море любят. И оно их тоже. Да...

еще дельфины. Точно не помнишь?

Пустота.

Туман.

И мучительно. Ведь должно же быть хоть что-то. Дэр Гроббе лишь крякнул.

– Тебе там плохо стало, как от берега отошли. Позеленел и рухнул. Отец твой... в общем, назад вернулись и уже все. А потом, как второй раз, так ты уже большим был. Клятву я приносил. Это-то помнишь?

– Помню, – согласился Ричард.

Клятва – не более чем условность. И все же обставили все торжественно.

Город.

Флажки. Цветы. Нарядные люди. Отец... что-то говорит, а что – память опять не сохранила. Она у Ричарда, оказывается, совсем дырявой стала. Музыка... танцы потом. И тоска, которая душу разъедает. Ему хочется остаться здесь, в городе, среди нарядных веселых людей, пусть даже Ричард не понимал причин их веселья, но ведь тянуло.

К людям. К живым людям.

И он даже решился попросить разрешения. А отец глянул так, равнодушно, и сказал:

– Нет.

И потом уже тише добавил.

– Тебе нельзя к ним.

Тогда было просто обидно, хотя и обида давным-давно

стала привычной. Ричард подчинился. А теперь... теперь крепло недоумение. Почему отец запретил?

И всю ли правду он рассказал?

– Он... тебе говорил обо мне? Что-нибудь? Может, что-то, что показалось странным?

– Более странным, чем запрет появляться в Замке? – хмыкнул дэр Гроббе. – Там ведь многие хотели бы служить. Но...

Но была душница.

Тварь, с которой отец не справился. А Ричард сумел. И победа эта жгла душу гордостью. Вовсе он не так и слаб. Во-все не никчем. Только...

– Не важно. Я-то... пойду, что ли, корабль готовить? – дэр Гроббе поднялся.

– Так ты согласен?

– А то... какой старый пират откажется от сокровищ? Там же сокровища будут?

И Ричард кривовато усмехнулся.

– Целый город, – пообещал он.

– Вот! – дэр Гроббе поднял палец, и кривоватый клюв по-пугая ухватил за него.

– Пиаст-р-ры! – заорала птица. – Якорь тебе в...

– Островитяне выдвигаются все. Их немного. И без них с кораблем не справиться, – Ксандр докладывал тихо, вполголоса. И старательно играл в равнодушие. – Возьмут дюжину

вироссцев и еще ладхемцы с ними же.

– Не передерутся?

– Не должны.

– Скажи, чтобы брали добровольцев.

– Думаешь, там кто-то в здравом уме откажется? Им еще домой возвращаться... да и нам бы, хотелось.

– Тебе это не нравится?

– А сам как думаешь? – Ксандр все-таки присел на край стола. – Тебе нельзя туда.

– Потому что тварь была права?

Вопрос прозвучал. И... и Ричард готов был услышать ответ.

– Тварь...

– Не надо, Ксандр. Ты ведь был там. Слышал. Как и остальные. Но если кто и не понял, то они. Люди. Они ведь знают далеко не все. В отличие от тебя. А ты... ты был со мной с самого начала. И не только со мной. Она сказала правду? Это я всех убил?

– Нет.

Поверить захотелось. Отчаянно. И вздохнуть с облегчением. И сказать себе же, что твари лгут, особенно такие, древние и изворотливые.

– Ты... уверен?

Пусть скажет, что да.

Поклянется не-жизнью или еще чем-нибудь. Главное, чтобы ни тени сомнений. А он молчит. Сидит. Глядит на

собственные ботинки. И молчит.

– Значит, нет.

– Тебя увезли. Анна... умерла и её похоронили. Потом... потом ты долго не приходил в себя, а когда пришел, просто лежал и смотрел. В потолок. Не мигая. Днями. Не разговаривал. Не замечал никого и ничего. Ты не убийца, Ричард. Просто она жрала тебя. Твою душу. И выжрала приличный кусок. Но ты не убийца.

– Почему... как ты вообще...

– Потому что была сделка. И заключил её не ты, – Ксандр сцепил руки. – Они не оставляют своих жертв. Не тех, которых жрут, но тех, которые впускают тварей в себя. Как твоя мать. Она отдала свое тело, свой разум...

– Душу?

– Не знаю. Слишком тонкая материя. И никто не ответит тебе с полной уверенностью. Разве что боги. А богов... богов давно не видели на земле.

– Значит, я...

– Она. Она дала душнице свободу. Она прикормила её. И в том числе тобой. И память... душа и тело связаны, сам видел. Она обглодала твою душу, а с нею пострадало и остальное. Нам повезло, что твоему отцу удалось хоть как-то её остановить.

Наверное.

Только везение это было кривым каким-то.

– Значит... она виновата? Мама?

– Я бы так не сказал, – Ксандр смотрел с печалью. – Знаешь, когда долго живешь... очень долго... то со временем начинаешь думать. При жизни я не особо задавался всякими странными вопросами, вроде того, кто и в чем виновен. Все было понятно. И предопределено еще до моего рождения. Нужно было лишь следовать правилам. Я и следовал. А потом умер, и оказалось, что для мертвых свои правила. А мир не ограничивается этой вот гребаной долиной. И там, в мире, третьи правила. Четвертые. Сто десятые. Всем следовать при желании не выйдет. А еще там люди. Всякие.

– Твой святой?

– Он был еще тем засранцем, если подумать. Но да, и святым. Тоже бывает. Так вот, он задавал вопросы. Сначала один. Потом другой. И с каждым новым отвечать выходило сложнее. Пожалуй, именно он научил меня думать. И искать ответы.

– Правильные?

– А правильных нет, – Ксандр ненадолго замолчал. – Кто виноват... твой отец, когда решил, что сумеет защитить вас? От всего. Или раньше? Когда выбрал неподходящую женщину. Любовь? Опасная игрушка. Сам поймешь. Он решил, что любовь превыше долга. И твоя мать тоже. Она ведь могла рассказать ему, что ей плохо. И уехать. Оставить...

– Меня?

– И тебя. И его. Мне кажется, она тоже любила. Без любви у женщины терпение заканчивается быстро. Так вот, она

выбрала эту любовь и осталась. Ты... ты нашел зеркало, но не отдал отцу. Он... когда не увидел и не спросил. Твой предок, вообще впустивший тварь в дом и укрывший её от прочих. Он-то должен был понимать, что такие вещи невозможно спрятать навсегда. Так что... все виноваты, Ричард. В той или иной мере. И никто. Так тоже бывает.

Пожалуй... хочется согласиться.

И поверить.

– Что мне там грозит?

– Не знаю, – Ксандр покачал головой. – Хотел бы сказать, но... я действительно не знаю. Потом, по возвращении домой, ты долго болел. Несколько лет. Душа может восстановиться. Так считают. Но как быстро идет этот процесс? И восстановится ли она полностью? Или, может, зарубцевавшаяся рана откроется вновь? В... определенных обстоятельствах?

А мог бы и соврать.

Но хорошо, что не соврал.

– Ты ведь бывал там.

– Как и ты. Не дальше первой черты. Помнишь?

– Нет.

– В первый раз тебе было семь. Отец взял тебя просто, чтобы показать. Город красивый, даже издали. Особенно по утрам. Там рождаются туманы, не густые, нет, скорее уж полупрозрачные покровы, сквозь которые проступают далекие тени зданий.

Он прикрыл глаза.

– И кажется, что город вот-вот оживет. Что он просто спит и ждет момента, чтобы проснуться. И надо лишь поверить... тьма там не ощущается. Не сразу. Когда подходишь... живым я вовсе не слышал её. Еще недоумевал, почему запрет. К чему это сидение на границе, если можно войти и зачистить город. Сравнять развалины с землей.

Кривая усмешка.

– Благо, я был не настолько смел и безумен, чтобы перечить отцу. А потом умер. И все изменилось. Я вернулся к городу, точнее... меня вернули. Не одному мне в свое время надоело сторожить границу. Но и желающих сунуться наобум не было. Легионеры... мало что способны рассказать. Лассар изначально был против. Он надеялся, что со временем тьма истощит себя. Безопасный путь.

И пожалуй, верный.

– А меня отправили на разведку. Только, стоило мне переступить границу, и я услышал её. Теплую. Обволакивающую. Родную. Она обещала... в общем, мне стоило больших трудов не поверить. И вернуться. Больше я туда не совался.

– Останешься?

– Нет.

– За замком нужно присмотреть. За людьми. Здесь ведь... все эти... фрейлины.

А с ними служанки. Слуги. Конюхи и кони, ибо на кораблях для лошадей места нет. Стража, потому что идут далеко

не все. Чужаки.

– Отправь их в город, – посоветовал Ксандр.

– Уже. Здесь не безопасно. Одну тварь мы уничтожили, хотя, конечно, странно, что до этого не додумались раньше, – Ричард постучал пальцем по столу. – Почему? Они ведь были опытнее. И знали больше моего. А все равно...

– Они были людьми, Ричард. Просто людьми.

Возможно, и так. Но все одно не объясняет.

– И знаешь, – Ксандр выглядел задумчивым. – Я никогда не видел, чтобы твой отец... или его отец... или кто-то из рода мог делать с Тьмой то же, что делаешь ты.

– И?

– И, возможно, у них и вправду не было иного выхода. А что, если они не умели?

– Повелевать тьмой?

– Титул мог быть просто титулом. К примеру, я, когда был жив, я бы не рискнул позвать её. Наоборот, мы держались от тьмы подальше. Не позволяли ей выйти во внешний мир. Охраняли людей от монстров. И знали, что тьма – зло.

– Тогда... как?

– Понятия не имею. Ты... ты это и раньше делал. А я просто не задавал вопросов. Отучили, знаешь ли.

Ричард посмотрел на свои руки. Обычные. И тьма... она всегда ощущалась не чем-то враждебным, скорее уж родным.

Близким.

Она была понятна. И она всегда существовала рядом, как и Ксандр. Наверное, это от одиночества, нормальный человек не станет разговаривать с тьмой.

Той самой, которая зло.

– Я совсем запутался, – признался Ричард. – То есть, получается... ничего не получается. А тот свиток? Помнишь, ты говорил. Закономерность. Чем больше нас, тем чаще прорывы. Или наоборот? Это как понимать?

– Как теорию и только. Или проявление какой-то иной, мне не доступной, связи. Я ведь тоже не всеведущ, знаешь ли.

– Лассар...

– Я говорил с ним. Он обозвал меня идиотом. Но, кажется, он и сам не знает правильного ответа.

– А кто знает?

Ксандр промолчал.

Кто... не тот ли, с кого все началось? Та... если это женщина... какая разница, кто? Главное, что ответы будут и там, в городе.

– Ты все-таки останешься, – Ричард поднялся. Времени стремительно уходило. И надо бы собраться, надо бы... что-то сделать.

Реальное.

А он сидит и разговоры разговаривает.

– Нет, – спокойно ответил Ксандр.

– Я могу приказать.

– Можешь. Но не станешь.

– С чего ты так уверен?

– С того... если кто и способен изменить все, так это ты, Ричард. Ты не такой, как они, – Ксандр махнул рукой. – Как я... когда был жив. Как мои братья. Или мои потомки, что смотрели на меня свысока, снисходительно, что отказали мне в праве на имя только потому, что я умер. Я не знаю, хорошо это или плохо, но... ты не такой. А это шанс. И я не прощу, если не воспользуюсь им.

Он помолчал и добавил.

– Если мы все не воспользуемся.

ГЛАВА 3

О том, что все дороги куда-то да ведут

«Женищина добрая и телом обильна. Поступь её величава. Волос долог. И взгляд преисполнен покоя. Именно такая женищина будет плодovита. Несет она мир и отдохновение для мятущейся души мужчины. Тогда как иная, телесной немочью измoждена, и сама пребывает в вечном беспокойстве, и всякого, кто припадет к источнику ея женственности, оным наделяет»
«Наставления молодому внуку»

Дорога.

Что сказать про дорогу? Протянулась она от одного края мира к другому, а главное, что совершенно не понятно, куда идти.

То есть, ворота вот имелись, уже не утопая в тумане. Тот вовсе взял и растаял, позволяя разглядеть и эти самые ворота, обвалившиеся посередине, и дорогу, что шла сквозь них и куда-то туда, к заброшенному городу. И... и сам этот город, такой близкий, опасный, но теперь казавшийся самым обыкновенным.

Развалин она, что ли, не видала.

Брунгильда погладила секиру, успокаивая скорее уж себя.

– И что делать станем? – деловито поинтересовалась рыжая девка и поскребла мосластую ногу. Нога была совсем не девичьей. Да и...

– Идти надо, – вздохнула Мудрослава и девицу за рукав дернула.

– Куда? В город я совсем не хочу, – Летиция Ладхемская села прямо на пыльную траву. Платье её посерело, да и сама она, той же пылью покрытая щедро, гляделась жалко.

– Ну... – Ариция поглядела на небо. – Можно и не в город. От города. Дорога-то вон, есть. И солнце стоит высоко.

– Что с того? – Теттенике поправила венки из роз. – Мы не знаем, откуда пришли. Стало быть, не понятно, куда выйдем, если пойдем по этой дороге.

Логично.

Где-то там, вдалеке, высились горы. Но были ли именно эти горы нужными, Брунгильда не знала. А если и были, то попробуй-ка до них добраться. Не говоря уже о том, что перебраться надо.

– Слушай... – а рыжая повернулась к сестрице. – А ты можешь там... не знаю... дракона найти?

– Думаешь, так легко найти дракона? – возмутилась Мудрослава.

– Ладно... но хоть ворону какую. Вороны-то чаще встречаются.

– И?

– И пусть та взлетит. А ты посмотришь. Глядишь, станет чего и понятно, – объяснила рыжая, платье одернув. – Чего? Если есть дар, надо использовать.

И все посмотрели на Мудрославу.

– Это не лишено смысла, – сказала Брунгильда осторожно и тоже присела. Ноги ныли. И ведь не сказать, чтобы прошли они много. Хотя... и не сказать, чтобы мало. Туман был. Серый. И тени в нем. Крики какие-то. Вой. А главное такое вот давно позабытое ощущение, что она, Брунгильда, потерялась.

И потерянную бродила.

А потому как знать... да и дальше идти придется. И значит, отдых – это правильно.

– Здесь как-то не особо чисто... – заметила Теттенике, поморщившись.

– Отдыхай, – Брунгильда хлопнула по земле рядом с собой. – А то когда еще выпадет.

– Солнце и вправду высоко, – рыжая села на землю и спиной оперлась на ворота. – Но век оно в небе стоять не будет. Надо определиться. Потому что когда наступят сумерки...

Стало не по себе.

Вспомнился вдруг опять туман. И вой, и...

– Я попробую, – Мудрослава опустила на колени, потом и вовсе села. Закрыла глаза. Прижала пальчики к вискам. – Но ничего не обещаю, потому что...

Договорить она не договорила, покачнулась, оседая на

бок, и была подхвачена рыжей.

– Получилось? – спросила та у Брунгильды и почему-то шепотом.

– Не знаю, – также шепотом ответила Брунгильда, и все разом уставились на бледное лицо виросской принцессы. Летиция подползла поближе и прижала пальцы к шее.

– Живая...

– И так видно, – Теттенике отстранилась. – Вон, глаза ходят.

– Как и в тот раз...

– А на лице у неё... – это уже Ариция и руку протянула, но трогать не стала. А ведь и вправду, будто узор проступает. Тонкие ниточки, то ли выюнок пополз, раскидывая хрупкие листочки, то ли кто, невидимый, рисовать взялся. Узор сложный, завораживает. Вот и цветы распустились, и...

Мудрослава распахнула глаза. Зрачки её расплылись, сделавшись черными, а из горла донеслось рычание. И оскалилась она совершенно по-собачьему.

– Ты того, – строго сказала ей сестрица. – Только не кусайся.

А потом добавила.

– Она с детства кусачею была! Вот честное слово! Помнится, одного разу так угрызла, что шрам остался.

– Сам... сама виновата, – просипела Мудрослава, вцепившись в руку рыжей. – Нечего было пряник отбирать.

– А ты дразнилась!

– А ты...

– Может, хватит? – Теттенике подобралась ближе и, уставившись жадно, спросила. – Что ты видела?

– Дракона, – Мудрослава все-таки села и потеряла глаза. – Пить...

Воды не было.

Еды тоже. И солнце... права рыжая, оно-то высоко, но тут такое, моргнуть не успеешь, как покатится к земле. А там и сумерки лягут. С ними же выползут на свет божий твари всякие, которые до того прятались.

– Плохо... – Летиция взяла виросску за руки. – Я кое-что умею, но так... это еще когда меня целительству обучать пытались. Вот... и воду надо искать. Без неё долго не протянем. На такой-то жаре.

И только тогда Брунгильда поняла, что и вправду жарко.

Так жарко, что лезвие секиры нагрелось.

– Там... есть озерцо... или пруд старый. Грязный. Не знаю, насколько можно пить, – Мудрослава облизала пересохшие губы. – Он придет... не сейчас... сейчас далеко она. Но придет. Я позвала. И еще она помнила. Бывала здесь. Оказывается, я и памятью её воспользоваться могу. Не всей. И странно это, если с высоты. Все иначе.

– Так что ты видела?

– Видела, – Мудрослава подобрала ноги. – Город видела. Он огромен... знаешь, куда больше нашего... и вообще, не думаю, что сейчас есть что-то подобное. Он... одна часть со-

всем в развалинах, еще что-то затопило. Море. Туда она не сунулась.

– Кто?

– Драконица. Бойтся чего-то. Не важно. Дорога эта... она, если за город, то недалеко идет. Там, дальше, – Мудрослава махнула рукой. – Она обрывается. Провал в земле, а еще остатки моста. Может, древнего, может, не очень. Но пройти не получится. Потом горы еще... в горах нам точно не выжить. Не в таком вот...

И замолчала.

– А если... – осторожно начала Летиция. – Просто... не в сам город, а... к горам? Нас ведь будут искать? Будут?

Голос её прозвучал до крайности жалобно.

Захотелось ответить, что всенепременно, но... правда-то в другом... Ворон? Он, конечно, старый друг. И больше, чем друг. Он был вторым отцом. И захочет найти Брунгильду. Не бросит. Но это он. А остальные? Их-то ничего не держит. Они могут вернуться домой.

И все сделают вид, что ничего-то не случилось.

Отец, может, погорюет, но... но и подумает, что к лучшему оно. Ведь купец был. И Никас. И как-то даже придется объясняться, почему так вышло с Никасом. Купец, небось, не поверит, что сам он виноват, что и вправду чернокнижием занялся. И вообще, будь Брунгильда жива, пришлось бы за Никаса виру платить. И купец, сколь бы ни говорил он о дружбе, а момента не упустил бы.

Ворона жаль...

И себя тоже. Но не настолько, чтобы плакать.

– Не уверена, – тихо сказала Ариция. – Может... может, это тоже выход. Для них. Объявят там, дома, что мы заболели и умерли. Траур назначат. Маму, конечно, жаль.

Она вздохнула.

И Летиция тоже. А потом обняла сестру и строго сказала:

– Мы еще живы.

– Именно. Меня тоже не особо ждут, – Теттенике поглядела на небо. – Брат, конечно, захочет найти, но... у него советники. Будут отговаривать. Глядишь, и отговорят. Хорошо бы, если бы отговорили.

– Хорошо? – возмутилась Мудрослава.

– Конечно, – степнячка поглядела на принцессу снисходительно. – Я люблю своего брата. И я хочу, чтобы он жил долго. Чтобы вернулся домой, к отцу. И чтобы, когда придет срок, принял из рук его золотую плеть. Чтобы... чтобы взял себе жен. Много. Хороших. Сильных. Как она.

И показала зачем-то на Брунгильду, отчего стало как-то стеснительно, что ли.

– Как она? – удивилась Летиция, и за это удивление захотелось отвесить ей затрещину.

– Сильная женщина – честь для мужчины. Такая не выберет слабого, – спокойно пояснила Теттенике. – И если бы... брат на неё смотрел. Но чужую невесту сватать нехорошо. Недостойно. А вот если бы перестала быть невестою, он бы

отправил своих советников. И выкуп бы заплатил. Добрый. Лошадьми ли. Золотом ли. Мой брат богат.

– Сватаешь? – поинтересовалась рыжая.

– Сватала бы. Там. А здесь... если они пойдут, то погибнут. Я такого не хочу брату.

Снова стало тихо. И тишина эта была по нервам. И еще... странно... она, конечно, сильная, но вот так... почему-то неудобно даже думать. А степняк этот... Брунгильда его помнила. Невысокий, гибкий и да, пожалуй, что сильный.

Той особой мужской силой, которая чувствуется.

Пошла бы она за такого?

Пожалуй... пожалуй, что и пошла. Отчего нет? В степи нет моря, но есть солнце и лошади. И была бы у неё своя семья. Детки... интересно, какие были бы дети... хотя, чего уж тут.

Брунгильда тряхнула головой.

– В горах мы не выживем, – сказала она. – Тут жарко. А там будет холодно. Очень. И кто умеет по скалам карабкаться?

Тишина.

– Можем остаться тут, – Ариция поглядела на ворота с подозрением. – Вот верите или нет, мне туда совершенно не хочется...

– А кому хочется? – Мудрослава вытерла сухой рот. – Но и здесь тоже не вариант.

– Открытое место, – поддержала её Брунгильда. – Тут если

кто нападет, не отобьемся. Да и вода... если кто и пойдет искать... вдруг... ну, мало ли...

В это не особо верилось.

– Пойдет, – Летиция поднялась и тряхнула головой. – Повелитель.

– Этот...

– Он, может, и не особо впечатляет, но показался мне человеком порядочным. Да и ты сама, Тет, сказала, что он придет. Обязательно. Значит, нужно его дожидаться. Слава, покажешь свое озеро?

И Мудрослава тоже поднялась.

А где-то вдалеке раздался крик. Может, драконий, а может, конечно и не совсем.

Ричард хмурился. И вот... вот почему мужчины такие упрямые? А?

– Нет и еще раз нет, – сказал он строго, до того строго, что прямо захотелось перед ним в струнку вытянуться. – Ты отправишься в город. Вместе со всеми. И будешь ждать.

– Но...

– Послушай, пожалуйста, – вот когда он говорил так, у меня совесть просыпалась. – Ксандр ведь прав.

– Он идет.

– Он все-таки воин. И из рода Архаг.

– А я нет?

– А в тебе кровь демона, – Ричард перехватил мои руки и

прижал к щекам. Теплые. И смотрит так, серьезно. – И она просыпается. Ты ведь чувствуешь это, верно?

Хвост раздраженно щелкнул.

– Чем ближе город, тем сильнее тьма. И тем сложнее станет противиться её зову.

– Ксандр...

– Уже сталкивался с ней. И у него есть шанс устоять.

– А у меня нет? – знаю, что звучит глупо. Что... что я не капризная девчонка, а взрослый разумный человек. С рогами и хвостом, но все равно человек. И... и надо вести себя по-взрослому.

И вправду, чем я там помочь могу?

Вдохновить на подвиг?

Они и без того вдохновлены до крайности. Тогда что? Я ведь буду обузой... я и в походы редко ходила. Оружие... ножом столовым порезаться могу. Куда мне в Проклятый город? К демону? К тому демону, что, быть может, ждет моего появления.

И еще Ричард прав.

Эти вспышки гнева, эти противоестественные желания убить кого-то... оно ведь неспроста. А значит, мне правильнее будет держаться в стороне от того, что усиливает кровь демона.

Ярость демона.

Иначе...

Предсказание вполне может сбыться.

– Хорошо, – мне больно это говорить. И душа болит, душа исходит кровью. – Только вернись, ладно?

– Я постараюсь.

– И... и не лезь вперед! В конце концов, кому нужны эти подвиги...

Он кривовато усмехнулся.

– Драконов не дразни.

– Обещаю.

– Мне не нужны... да ничего не нужно, ни сокровищ, ни... ни вообще ничего такого. Только сам вернись. Пожалуйста.

Наверное, я готова была бы... да все отдать. Рога, хвост и крылья огненные. Себя саму. Душу, если она у меня еще осталась. Жизнь в этом вот мире. Только бы он вернулся.

– Я действительно постараюсь, – Ричард поцеловал мои ладони.

А я поцеловала его.

Вот так. При всех. Людей ведь во дворе изрядно и... и плевать! Пусть видят! Что рыцари эти, в белоснежных доспехах, что коронованный Светозарный, волосы которого растрепало ветром. И выглядел он именно тем, кем был, – рыцарем без страха и упрека.

Идеальным.

Пусть смотрят ладхемцы.

И вироссцы. Островитяне, что держались дружной вооруженною толпой. Пусть...

– А ты постарайся... просто дождись, – тихо попросил

Ричард.

– Обещаю.

И ведь в тот момент я искренне верила, что сдержу слово.
Что ж... с женщинами такое случается.

ГЛАВА 4

Где корабли выходят в море

«Спряла она пряжу, а с неё соткала ткань, на диво тонкую и мягкую, такую, что водой сквозь пальцы текла. И сказала сиротка: «Вот, матушка, будет то сестрам дорогим подарок, в знак моей любви и благодарности. Сошью из этой ткани платья, и тогда-то не будет во всем селе девок краше». Так оно и получилось. Сшила сиротка из ткани наряды, каковых, верно, и в королевском дворце не видывали.»

Сказка о бедной сиротке, мачехе её и сестрах.

Ричард смотрел, как медленную, суетливую змею выползает из ворот обоз. Люди... как вышло так, что в замке собралось столько людей? Ржали лошади. Скрипели телеги и повозки. Кто-то кричал, кто-то ругался. И вся эта разноцветная толпа казалась чем-то единым, неделимым. А ведь вироссы смешались с ладхемцами, и степняки среди них не так уж и выделялись.

– Дойдут, – сказал ладхемский посол, хмурясь. – Тут ведь недалеко.

– Дойдут, – согласился виросец. – Я оставил указания. В городе... как-нибудь да разместятся.

– Я отправил в городскую управу посланника, – Ричард

заставил себя отвернуться. Демоница... она ведь обещала.

Она разумна.

И не станет делать глупостей вроде тайного побега... и... и взгляд то и дело останавливался на одинокой фигурке, что замерла в стороне от ворот. Правильно. Она уйдет в числе последних.

Четверки Легионеров достаточно, чтобы защитить его женщину.

Невесту.

– Помогут. И с жильем. И... с прочим. Сказал, чтобы ждали десять дней. Если не вернемся... их отправят домой. Дорога давно уже безопасна. И караваны ходят часто.

– Хорошо, – виросец отер лицо. – Но государь будет недоволен.

– Не только ваш, – ладхемец привстал на стременах. – Кого мы ждем?

– Никого, – и Ричард тронул коленями жеребца. И старый друг четко уловил пожелания всадника. Он с ходу взял в галоп. И подковы зазвенели по камню.

Мимо мелькнули люди.

И повозки.

И... Ричард вернется. Обязательно. Он сделает все, чтобы... чтобы замок снова ожил. Это ведь не так и сложно. Душницы больше нет. С демоном... что-нибудь тоже придумает. Должен же быть способ повергнуть демона, даже такого древнего.

Главное ведь другое.

Его ждут.

Его впервые в жизни ждут. И верят, что он, Ричард, вернется. А значит, у него нет права обмануть эту веру.

Именно.

Дэр Гроббе удалился сразу после разговора. Корабль готовить. Островитяне ушли тогда же. А значит, надо поспешить. Солнце давно перевалило за полдень, того и гляди, понесется к земле. А ночью... старые проливы – не то место, где можно безопасно ходить и днем.

Надо...

Он свистнул, и конь прибавил шагу. До города и вправду недалеко. А там...

Корабли ждали. Разные такие. И тот, что принадлежал дэру Гроббе, казался почти игрушечным по сравнению с узкой длинной ладьей островитян. На носу её ощерился дракон, разрисованный синей и красной красками.

Сходни.

Бледный градоправитель, который беспрестанно кланяется, заверяя, что все-то будет распрекрасно. Но голос его поддрагивает, да и в целом не хватает ему уверенности.

Слуги, что спешат принять лошадей.

Люди, которых тянет с пристани. И смотрят, а во взглядах читается страх. Надо бы что-то сказать, но в голове царит пустота. Лассар понимает.

Хмыкает.

– Мы, – его голос гремит. – Отправляемся, дабы повергнуть древнее зло! И земли эти обретут свободу.

Кто-то хлопает, но вяло. А градоправитель сгибается еще ниже.

– Ты, – тяжкая ладонь Командора падает на плечо, и колени градоправителя, человека сухопарого и невысокого, подгибаются. – Проследишь, чтоб тут порядок был. Ясно?

– Д-да.

– Вернусь и проверю лично.

Эта угроза вызывает нервную дрожь. А Лассар отпускает жертву.

– Вы все, – теперь он обращается к людям, которых с каждой минутой становится все больше. – Вы живете на этих землях. И представляете его милость.

Тычок в спину заставил Ричарда распрямиться.

– Бочку бы тебе какую, – задумчиво протянул Ксандр. – Для солидности.

– Иди ты...

– А потому вам надлежит показать, что вы гостеприимны. И позаботиться о тех, кто оказался в тяжком положении...

– Всенепременно... – выдавил градоправитель. А до Ричарда донеслось.

– А рыцари-то, рыцари, поглянь, какие... ажно блещут. Чем они доспехи натирают-то?

– Вестимо, зубным порошком. Я тебе еще когда говорила,

бери, не пожалеешь. Будут твои сковородки блишчать, как рыцарев шлём!

– Ой, молоденький какой... и с короною...

– Так это того...

– Слыхали, кажут, что принцесс дракон унес. И стало быть...

– Какой дракон?!

– Обыкновенный! Его давече в Запрудях видали. Вот мой кум и видал! Аккурат, что тебя!

– Знаю я тваво кума... кого он только не видал! На грудь возьмет, от и сразу драконы мерещутся...

– Так-то оно так... – возразили из толпы. – Но тот всамделишный был! Оно ж как? Ежели где принцесса заведется, так сразу тамочки и дракон.

– Говоришь, что будто энто мыша какая...

– Знаете, – тихо проговорил ладхемский посол. – Теперь я уверен, что здесь живут обычные люди.

– Почему? – поинтересовался Ричард.

– Да вы послушайте...

– ...а я тебе говорю, стало быть девки того, нецалованные.

Иными-то дракон брезгует! Табой бы точнехонько побрезговамши б...

– ...а в лоб?! Глаза твои бесстыжие... глупости говоришь! Какое драконам до этого самого дело-то? Или думаешь, он девок крадет, чтоб портить?! Жрет он их! Жрет! А какая разница, чего ему жрать, девку или бабу?! – женщина почти

перешла на крик.

– ...мне-то откуда знать-то? – возражал ей мужчина. – Я, чай, не дракон... может, у девки мясо мягшее... ты он костистая, что прямо...

– Я, стал быть, костистая? Я?! Люди добрыя, вы токмо...

Конь ткнулся мордой в ладонь и вздохнул. Люди... люди оставались людьми и это успокаивало.

– А доспех, – сказал Ричард Светозарному, который тоже слушал и улыбался, презадумчиво так. – Доспех лучше снять. В доспехе точно не выплывешь, если что...

И невидимая рука сдавила горло.

А ведь не обязательно... да, Ричард ошибся и девушки пострадали по его вине. И он готов признать. Искупить как-то. Компенсацию предложить.

Это ведь вполне нормально в подобных случаях.

Поторговаться придется, но примут. Никуда не денутся. А лезть самому в пасть к демону по меньшей мере неразумно. Этак не только Ричард, но и весь мир сгинуть может. Его ведь кровь держит запоры, а стало быть... стало быть, логичнее будет, если Ричард останется.

Здесь, в городе.

Можно послать Лассара, если уж на то пошло. И Легионы. Ксандр опять же, раз уж рвется. А Ричард...

Он решительно ступил на сходни. Может, он никогда-то не был героем. Но и трусом тоже. Не был и не будет.

Я не плакала.

Вот, наверное, момент был подходящим, но я не плакала. Стояла... смотрела... мучительно улыбалась, потому что, может, Ричард и не видел моего лица, но вдруг? И к чему ему слезы? Я ведь верю.

Нет, я знаю, что он вернется.

Обязательно.

Он ведь Повелитель Тьмы, и стало быть прикажет ей обратиться. Из города. И демона тоже одолеет. У них ведь есть и новый Император, и меч очень древний.

Лассар.

Ксандр.

Легионеры и люди. Много людей и много оружия. Хватит, чтобы справиться с одним-единственным демоном. А я... я просто подожду. Так ведь всегда было. Исторически. И дама в башне – это не только красивая картина, но еще и вывернутая наизнанку душа.

За спиной молчаливыми статуями высилась пара Легионеров.

Так оно спокойнее...

Люди ведь. Люди демонов недолюбливают.

Мимо с душераздирающим скрипом проползала карета. И из окна выглянула напудренная девица.

– Демон! – взвизгнула она, указав на меня. – И она тут!

Карета прокатилась, а вот люди... не то, чтобы кто-то рискнул бросить в меня камень, но взгляды... взгляды были

совершенно однозначными. Мне даже холодно стало от такой незамутненной ненависти.

Что я им сделала?

Ничего.

Наверное, они просто боятся. Ведь и вправду исчезли принцессы, а еще девушку убили, пусть даже не я, но кто в это поверит? Куда проще обвинить одну присутствующую демоницу, чем какого-то абстрактного чернокнижника.

– И что мне делать? – поинтересовалась я.

Никто не ответил.

Так мы и стояли. Долго... повозки все тянулись и тянулись. И стоять на жаре было тоскливо. Да и зачем, если и Ричард, и рыцари давно уже скрылись где-то там, в дымке горизонта.

Я отступила.

Вздохнула. И развернулась. Надо бы вещи собрать, что ли, если уж уезжаю. А уезжать не хотелось. Категорически. Что-то сомневаюсь, что в городе ко мне иначе отнесутся. Я ведь все-таки демон. И не расскажешь же, что дефективный.

И Замок.

Я чувствовала его печаль. Одиночество. И не удержалась, коснулась камня.

– Они вернутся. Он вернется. Веришь?

Тихо скрипнула дверь.

А с другой стороны... вот зачем мне уезжать-то? Душницы нет. Твари... ну, твари, конечно, дело такое... но опять

же, даже если эти порталы открывались где-то там и кто-то в них попадал, то случилось это нечасто.

Так?

Плюс я вовсе не так уж беззащитна. И опять же, легионеры.

Правда, оставались кое-какие нюансы...

– Ты готовить умеешь? – поинтересовалась я, обернувшись. И пальцем ткнула в грудь легионера, отчего он отступил. – А то ведь я как-то... не очень.

Он подумал и осторожно кивнул. А потом руками развел и помахал, довольно-таки экспрессивно.

– То есть, высокая кухня не для тебя, – поняла я. – Но в целом с голоду не помрем. Устраивает.

И стало как-то легче.

Не только мне.

Замок тоже обрадовался. Я его понимаю. Одиночество ведь никому на пользу не шло. Даже замку.

– Мы... мы чем-нибудь займемся. Чтобы не думать о плохом. Например... не знаю, уборкой? Всегда её ненавидела. Но вот если надо отвлечься, то уборка – самое оно.

Наверное, это признак душевного нездоровья, разговоры вслух, но тишина давила. И... и я просто пошла. По комнатам... заглянула в одну, отступила, до того резко в ней пахло духами. Стало быть, жил кто-то... кто-то жил.

И замку это нравилось.

Несмотря на духи, которые словно разлили. И на мятое

покрывало, сброшенное цветною кучей. На опрокинутую вазу и лужу под нею. Отпечатки на ковре...

– Они вернутся. Потом. Когда-нибудь... – я подняла вазу. И покрывало тоже. Встряхнула и сложила. Потом разберусь, куда его.

А ведь слуги из местных, те, которых дэр Гроббе нанимал. Они тоже уйдут?

Нет.

В следующей комнате меня встретила пухлая девица, нервно прижимающая к груди мятый ком простыней.

– Г-госпожа? – выдавила она.

– Я, – согласилась я как-то обреченно. – А ты кто?

– М-м-маришка... убираюсь. Вот.

– А домой? Со всеми?

– Так это... сперва убраться. А потом домой.

– И... много таких тут? Как ты?

– Я. И еще Улька, – она как-то вот успокоилась. – Нихта, ей вовсе идти некуда. У ней мачеха злая. И батька запойный. И...

– Раз некуда, пусть остается, – решила я. – А ты?

– Так и я... мне ж того... там и без меня, – она махнула рукой. – А вам чего?

– Ничего. Так... смотрю.

– После гостей, – Маришка понимающе кивнула. – Оно-то да. Оно-то надобно. У нас, помнится, к старостихе минувшим годом свояки приезжали. Так опосля гребень серебря-

ный пропал. Очень она по нему убивалась.

Это да, за гостями глаз да глаз нужен.

– Сочувствую, – сказала я. И тут же поинтересовалась. – А готовить вы умеете?

– Так... готовим, – Маришка явно удивилась. – А чего надо-то?

– Ужин. На... на одну персону.

И опять тошно стало. Я тут порядки навожу, ужины заказываю. А он там... они там... что они делают? И откуда это ощущение грядущей беды? И еще очередной ошибки, которую я сделала?

Слезы на глазах опять же.

Но плакать... нет, демоны не плачут.

Я развернулась и тихо вышла. Нечего людям мешать. И все равно надо чем-то себя занять. Надо... иначе свихнусь. Вот будет радости-то Ричарду. Он возвращается, всех одолевши, а тут невеста сумасшедшая.

Хотя... чего еще ждоть от демоницы.

– Идем? – спросила я у молчаливого Легионера. – Куда-нибудь... только понятия не имею, куда.

Он кивнул. И в этом кивке мне примерещилось сочувствие.

Надо же...

Нет, точно с ума схожу. Или уже. Но в стене передо мной появилась дверь. И... и это был хороший повод её открыть.

В конце концов, оставляя девушку на хозяйстве, не стоит

надеяться, что именно им она и будет заниматься.

ГЛАВА 5

Где случаются сюрпризы

«А когда нужда случается отбыть по делам, надлежит не столько увещевать жену строго, ибо пусть даже внемлет она уговорам, но всякому ведомо, сколь слаб дух женский и сколь падок он на всякие искушения. И потому человек разумный не станет полагаться лишь на слова, предпочтя им действия. Увези жену из града великого, оставь её в поместье малом, окружи верными слугами да приставь сродственницу из тех, что богата годами, но и только. И пускай она со всею страстью блюдет честь родовую»

*«Наставления для супруга во счастье семейное»,
писанные безымянным монахом.*

Теттенике открыла глаза.

Она... она была.

Где?

И... и что с ней случилось-то? Она помнила. Туман. И зеркало. И золотые тропы, что сами легли под ноги. Выбери любую. Только потянись, и откроется, отворится тайное. Теттенике потянулась, перебирая одну за другой. И... что дальше-то?

Что-то произошло.

Она ведь почти поняла. Почти выбрала правильную тро-

пу. Почти... и нить лопнула. Громко так. Так громко, что...

Она села.

Чихнула.

В носу что-то... что-то не то... пахло знакомо так. Сеном сухим и влажною, едва-едва скошенной травой. Так пахнет... где?

Хлебом.

Навозом.

Конюшня? Голова болела. Просто таки невыносимо.

– Эй ты, – в бок пнули. – Ишь, разлегся...

Больно! От боли она зашипела. И от непонимания. Как... кто... посмел...

В сумраке было видно крупное круглое лицо, а вот черты его расплывались перед глазами. Во рту пересохло. Сердце колотилось.

– Вставай, вставай! – её снова толкнули, опрокидывая на слежавшуюся солому, из которой отчетливо пахло плесенью.

Что произошло?

Что...

Теттенике с трудом, но поднялась. Сперва на четвереньки, потом... потом просто.

– На от, вычисти... дали боги помощника, даром, что рожей смуглый, а ленивый... – в руки сунули скребок. – И гляди у меня, хоть соринку на шкуре найду...

В нос сунули кулак.

Большой.

– Чего ты с ним возишься? – раздалось откуда-то сбоку. –
Дай затрещину, чтоб место знал.

– Ага, а он еще нажалуется. Да и то... мало ли... кто их,
желторожих, знает.

И человек отступил. Правда, недалеко.

– И хилый он больно. Не дайте боги, помрет ненароком...
эй, есть хочешь?

Теттенике осторожно кивнула.

Она ничего не понимала. Или... это все ведьма! Ведьма
что-то сделала, и Теттенике... Теттенике была там, по дру-
гую сторону зеркала. А теперь оказалась здесь. И... и где это
«здесь»?

– На от, – ей протянули флягу и кусок хлеба. – А коня все
одно вычисти, а то хозяин вернется и заругает.

Коня?

Только теперь Теттенике рискнула обернуться.

Коня...

Самого... она видела его прежде. И даже ехала верхом,
если можно так назвать сидение в паланкине, что закрепили
на широкой спине самого огромного, самого страшного коня
из всех, кого только пришлось встретить Теттенике.

Его массивная морда нависала над ней.

Тело терялось в темноте, но теперь близость его, опас-
ность, от него исходившая, ощущались кожей. Конь тихонь-
ко вздохнул, и горячее дыхание опалило кожу.

Что...

Голова качнулась. И наклонилась так, что Теттенике увидела свое отражение в огромном выпуклом зеркале глаза. Это... это не она!

Смуглое лицо. Плоское. Грязное. Темные волосы обрезаны коротко и торчат в разные стороны. Мятая рубашка съехала с одного плеча. Оно выглядывает, узкое, уродливое, побитое оспинами.

Она задохнулась одновременно от страха перед конем и от ужаса, осознания того, что с ней произошло. Драссар же, устав стоять, потянулся к Теттенике и осторожно, бережно, коснулся мягкими губами пальцев.

– Ишь... зверюга, – раздалось откуда-то из-за спины. – К такому-то и подойти боязно.

– Ай, тебе и не надо. Сказано же ж, что желторожий приглядит. Вот пусть нехай и приглядывает. А у тебя чего, иных делов нету?

Теттенике сглотнула.

Этот страх... драссары умные.

Брат говорил. А раз умный... Теттенике разжала пальцы, и конь осторожно, нежно даже, забрал горбушку хлеба. В животе заурчало. И... и кем бы ни был тот, кем стала Теттенике, он не ел довольно давно.

Ничего.

Она потерпит.

Она... она, содрогаясь одновременно от страха и странного предвкушения, протянула руку. И драссар ткнулся мор-

дой в раскрытую ладонь. Горячее его дыхание опалило. И... нет, страх не исчез.

Но Теттенике сильнее страха.

А еще... еще она должна что-то сделать.

Вернуть.

Себя.

И... и с ведьмой сладить... рассказать... кому? Кто поверит мальчишке-конюшему? Пусть не рабу. Пальцы взметнулись к шее, и Теттенике выдохнула. Не рабу. Все-таки не рабу.

Из конюшни она выбралась чуть позже, обнаружив вполне себе удобную дыру, которую тот, кому принадлежало тело, хорошо знал. И потому тело это протиснулось меж двух досок, благо одна из них держалась на ржавом гвозде и поворачивалась легко.

Влево.

Там, снаружи конюшен, а то были совсем не замковые конюшни, пахло... странно. Людями. Люди всегда пахнут одинаково. Лошадьми. И еще чем-то, чему Теттенике не имела названия. Этот запах, такой свежий, такой непонятный, пугал и одновременно манил.

И город сам.

Каменные дома. Она никогда не видела прежде столько домов из камня. Разных. Больших и маленьких, хотя даже самый маленький был куда больше роскошного отцовского

шатра.

Деревья.

И цветы в кадках... в степи цветы живут недолго, а вот здесь их поливали. И не жалели воды. Это тоже было непонятно. Зачем? Одно дело, табуны поить, но вот цветы...

И в кадках.

Перед одной Теттенике остановилась, не в силах отказать себе в удовольствии потрогать мягкие лепестки. Нежные. Нежнее самого изысканного шелка.

– Чего творишь, оборванец! – тотчас завопила толстая женщина откуда-то из окна. И Теттенике поспешила обратиться. Кто знает, может, цветы трогать нельзя.

Все-таки не замок.

И она – не дочь кагана, а... а не понятно, кто.

Очувтившись на пристани, она зажмурилась, до того ярким было солнце, отраженное водами. И сами эти воды представились ей ожившим серебром. Оно переливалось, блестело, сверкало. И редкие лодки казались такими крохотными, игрушечными даже.

Налетел ветер.

Швырнул водой в лицо. И Теттенике, облизав губы, удивилась тому, что вода бывает горькой. Как?

– Море это, – сказал старик, что сидел на берегу и щурился, тоже ослепленный волнами. – Что, не видал никогда?

– Никогда, – Теттенике не стала приближаться к старику. – Море?

– Море, море... – вздохнул тот. – А ты чего? Вашего ищешь?

Теттенике кивнула.

И почесалась.

Проклятье! Да у нее клопы! И хорошо, если только они.

– Так поздно уже ж, – вполне искренне удивился старик. –

Ушли оне. Еще вчерась.

Ушли?

Куда?

– Куда? – выдавила Теттенике.

– Туда, – старик махнул на серебристую гладь. – Девочек спасать. Как издревле. Девка, она-то вечно в беде...

В беде.

Еще в какой беде...

– Кажуть, что до самого Проклятого города дойдуть. На от, – старик протянул кусок лепешки, и Теттенике не стала отказываться. Лепешка была сухой, но показалось, что ничего вкуснее Теттенике и не пробовала. – Жалко их... помруть все. А молодые... мой батько-то еще когда говорил, что нечего туды соваться. И дед... а дед дело говорил.

Он пожевал губу.

Он был очень стар. И сквозь седину его проглядывала темная кожа черепа. На лице эта кожа собиралась складками, и в них терялись и морщины, и ясные, словно небо, глаза старика.

– Садись он. Погляди... – старик похлопал по траве. –

Небось, у вас такого нету?

– Нету, – согласилась Теттенике.

Уехали.

Брат.

Брат бы... брат бы, может, и выслушал бы. Поверил бы? Теттенике знала, что сказать. И... и поверил бы. Конечно. Она бы... она бы рассказала о том, как он однажды пробрался в шатер. И старуха Шоушан не посмела прогнать сына Владыки Степей. Она хмурилась. Недобро шевелила бровями. Кусала губы. Но притворялась любезною.

А он все равно понял.

И сунул кулак ей поднос.

– Вздумаешь обижать сестру, выпорю, – сказал он тогда. И пусть голос его был тонок, но... Шоушан ничего не сделала.

И об этом Теттенике тоже рассказала бы.

А еще о том, как они убежали смотреть на падающие звезды. И до утра лежали на траве, пытаясь сосчитать все, до единой.

Но... что ей делать теперь?

Брат ушел.

И... и это на самом деле опасно. Она ведь видела! Только она и видела! Только она и знает... а теперь знание мучит.

– Ты чего? Плакать? Ты это брось, – старик протянул еще ломоть лепешки и кусок белого, щедро приправленного травами, жира. – На от, съешь. Тоший больно. Ничего, были бы кости, а мясо нарастет. Я в твои годы тоже не больно-то...

Он махнул рукой.

А Теттенике приняла неожиданный подарок и села рядом. Больше она старика не боялась. И лошадей тоже. Кажется. Если только самую малость.

– Море, – теперь она смотрела на него без восторга.

– Море... островитяне-то толк знают. Изрядные мореходы. Дед еще баил, что его собственный дед тех самых кровей. Не ведаю, только море мы всегда чуяли. И эти он, что приличными людьми казались, тоже море чувуют... и было бы простым, дошли бы. Думать нечего. Нет такого пути, который бы детям воды не открылся.

– Оно не простое?

Жир был соленым. И еще сладким. Он растекался по языку, по рту, и Теттенике зажмурилась. Что ей делать?

Что ей делать теперь?

В Замок...

– А то, еще когда... все случилось, туточки вовсе людям места не было. Только твари и были. И Замок от. А после-то... люди, они же ж как, было бы куда – пролезуть... там-то, по-за горами, небось, тоже не сладко. Вот и бежали, кому не было куда пойти. И охотники, и прочие, кто мог. Жили. Выживали. Кто как умел. Дед мой еще сказывал, что в иные времена Легионы крепко границу стерегли. А нонче, почитай, и нету этое границы, да...

– Море, – напомнила Теттенике. Слушать историю о стародавних временах желаня у неё не было. Совершенно.

А кто её в Замке ждет? Будь она собою, то... то потребовала бы принять. И никто не посмел бы перечить. Не дочери кагана.

– Море... в море и так-то тварей всяких превеликое множество. Да... а уж когда тьма коснулась, так и вовсе сделались они ужасны. Еще мой прадед...

В душе шелохнулось раздражение.

У Теттенике тоже прадед имелся героический, но она же не приплетает его к каждому слову.

– ...тот говаривал, что в бухте старой живет зверь-кракенус. Навроде осьминога. Видал осьминога?

– Нет, – Теттенике покачала головой.

– На рынок сходи, поутряни туточки свежих привозют. От такой он, – старик развел ладони. – Сам-то... голова пузырем и восемь щупальцев.

Жуть какая.

– А кракенус тоже, только огромнейший. Может, с дом, а может, и поболе. Лежит он на дне, стало быть, зарывшись в ил. За годы многие зарос он песком, водорослями, каменьями вот. Будто его и нету, – голос старика сделался низок и тих. И Теттенике подалась, чтобы лучше слышать. Правда, стоило ли верить услышанному, она пока не решила.

В её видениях подобного существа не встречалось.

– Лежит он, стало быть, и лежит, ни жив, ни мертв. Но стоит какому кораблю подойти к бухте, тотчас поднимутся щупальца кракенуса! И обхватят корабль, обовьют. А потом

разломают пополам. И сам он поднимется, ужасный до того, что любой человек прямо так и рухнет со страху...

Брат ничего не боится.

Ни кракенусов, ни лошадей, разве что женитьбы, и то об этом страхе никто не знает. Теттенике и сама лишь догадывается, но не так, чтобы наверняка.

– Никому тогда спасения не будет! – продолжил старик, руки поднявши. – А меж щупальцев кракенуса обретаются иные твари. Белоглазые акулы с бездонными животами, длинные мурены, покрытые ядовитой слизью, прозрачные медузы, которые любого человека обнимут, запутают и растворяют в себе.

Жуть.

И вправду, жуть.

– Так что, – старик убрал руки. – Зазря они морем пошли. Надобно было старой тропой.

– А... где она? – робко поинтересовалась Теттенике.

– Так... вестимо где. Где и была. Хотя... – синие глаза сверкнули лукаво. И старик погрозил пальцем. – Ты гляди. Одному соваться – дело такое... сожрут.

– Кто?

– Может, волки. Может, криксы. Мало ли там, в горах, нежити... тут главное что. Я сам того не ведаю, но слышал, что во времена стародавние...

– От прадеда? – не удержалась Теттенике. И старик хмыкнул.

– А от кого ж еще-то? Так от... во времена стародавние имелся прямо от Замка путь. И такой, который не каждому откроется, а кому откроется, так и приведет в город он. Вот. Прямым.

Стоило ли этому верить?

Если бы в самом деле такой путь существовал, неужели не знал бы о нем Повелитель?

– Но тоже... мало ли чего люди бають? Вона, сказывали, что дракона видимши. А драконов еще когда приморили. Какие ноне драконы? Ящерки одни, – и старик поднялся. – Ты-то, малой, шел бы к своим, а то еще забидит кто. Уж больно хилый ты.

– Благодарю, – Теттенике тоже встала и поклонилась до самой земли. С неё не убудет. А старик... она пока не знала, как отнестись к его рассказу.

Но...

В Замок идти смысла нет. Или есть?

Кто там?

Если все ушли? То-то вот... а понять, куда ушли, надо. И как этот переход изменит будущее. То, виденное Теттенике.

Изменит ли.

И... и как знать, может, где-то среди золотых дорог найдется верная?

Старик ушел. А она еще раз посмотрела на море, вздохнула. Почесалась – верно, клопами дело не обошлось – и тоже двинулась к городу.

Думать.

И... и решать.

Пока она еще может что-то решить.

Теттенике вернулась к конюшням и нырнула в дыру. Огромный драссар лишь покачал головой. И виделась в том укоризна. Да, его все-таки надо бы почистить. И гриву расчесать.

Только...

– Ты прости, – сказала Теттенике, когда конь ткнулся в живот, выпрашивая то ли ласку, то ли лакомство. – Я... я, наверное, глупая. Но мне надо подумать. Очень серьезно подумать.

ГЛАВА 6

В которой море встречает корабли

«И облеглись тогда волны, и море смирило ярость свою. Тогда-то увидали люди камни, что поднялись из пучины, и дев, что на камнях возлежали. Были девы прекрасны, как видение. И стлались по воде волосы их, темно-зеленые, словно драгоценный камень-изумруд. Сияла белизною кожа. От сияния того ослепли моряки. Но когда девы простерли руки к несчастным и запели, то и разум покинул их. И стали бросаться моряки в воду, спеша к прекраснейшим созданиям, желая одного – коснуться этой белой кожи, но не вышло ни у кого, ибо попадали они в волосы дев, словно в сети. И спутанные ими, обезумевшие и ослабевшие, опускались на дно»

Сказ о морской царевне и сестрах её

Что сказать о море? Оно ластилось к кораблям, норвило прыснуть в лицо белой пеной. И кричали где-то в вышине чайки. То ли о своем, о птичьем, то ли упреждая, что того и гляди беда случится.

Случится.

Всенепременно.

На душе было беспокойно, и Ричарда не отпускало странное чувство, что он совершил ошибку. А главное, он

раз за разом перебирал в голове и...

Да, ошибок он натворил немало.

Не следовало устраивать эти вот смотрины. И... и звать кого-то в замок, не разобравшись толком, что в замке этом происходит. Да и остальное тоже.

Чернокнижник.

Чернокнижница.

Её ведь так и не нашли, как и того, чье обличье она приняла. И вовсе не понятно, пересекал ли тот человек границу земель? Или его не стало еще там, в Вироссе?

– Непокойно, – сказал Светозарный, подобравшись вплотную. Он глядел на волны и щурился. Море бликовало и слепило глаза, и потому ли, а может, скрывая слабость, люди прятались внутри корабля.

– Непокойно, – согласился Ричард, донельзя благодарный за этот вот разговор.

– Я взял на себя смелость написать письмо. Изложить все, как оно есть... даже если мы не вернемся. Даже если случится...

Светозарный стиснул рукоять меча и нахмурился паче прежнего. Думать о смерти даже ему было неприятно. И Ричард вполне понимал его.

– Братья придут. Чтобы защитить людей. И... продолжить дело. Тьма и вправду со временем рассеется.

Хорошо.

То есть, рыцари – это хорошо... смешно, еще недавно они

полагали Ричарда злом. Да и сам Ричард не относил Орден к числу света, но сейчас мысль о том, что хоть кто-то будет знать правду, грела душу.

Вот только...

– Возможно... – Ричард замылся, поскольку одно дело думать, а другое говорить о подобном вслух. – Возможно... она и вправду развеялась бы со временем. Если бы город оставили в покое.

Светозарный кивнул.

– Если тьма вырвется, ордена не хватит, чтобы совладать с нею. Это я понимаю.

Не только он.

Ричард вздохнул.

– Я виноват, – сказал он.

– И не только ты. Я тоже... – Светозарный приложил ладонь к глазам. – В хрониках Ордена много есть о чернокнижниках. И чернокнижии. Когда-то мы славились тем, что умели находить... проклятых. И изобличать их. Правда, сейчас поговаривают, что не было нужды в том изобличении. И что не так уж часто встречались чернокнижники, как горели костры. И что порой и Орден, и Храм был предвзят... не важно. Главное, что я-то должен был понять. Сразу.

– И много ты чернокнижников встречал?

– Я? Ни одного, – признался Артан. – Но меня ведь учили...

– И меня учили. Но выходит, одной учебы не достаточно.

– Именно. Остается лишь надеяться, что они еще живы.

– Живы, – подтвердил Ричард. – Иначе... сказали бы. И мне кажется, что они останутся живыми. Она их оставит.

– Хозяйка города?

– Хозяйка... – звучало вполне логично. – Именно. Хозяйка... ей нужны не они. Или не только они. Я.

– И ты придешь.

– Приду.

– Тогда стоит отдохнуть, – Артан погладил меч. – Мне не хочется с ним расставаться. Вот совершенно. И с короной. Я даже спал в ней. Нисколько не мешает.

Ричард хмыкнул. Было странно думать, что эта вот железка немалого веса и не мешала. Он посмотрел на корону. Нет. Ничуть не изменилась. Железо. Ржавчина. И темные потеки патины, покрывающие металл. Ни тени величия и благородства.

Хотя... это скорее уж у него превратные представления о величии с благородством вкупе.

А море меняло цвет.

Незаметно, исподволь, как это бывает со стихией и вправду могучей. И бледная бирюза волн наливалась цветом. Да и сами они касались бортов уже не игриво, ласково, а с раздражением. И каждый удар их отзывался в теле корабля дрожью.

А Ричарду подумалось, что здесь, по-над водой он ничего не может.

И не только он.

– Знаешь, – пробормотал Артан, вглядываясь куда-то вдаль, – вот... появилось такое чувство, что надо было идти по суше.

Пожалуй, он был прав.

Матросы засуетились. И дэр Гроббе возник, словно из ниоткуда.

– Шли бы вы, ваши сиятельства... вниз.

– Мать, мать, мать, – хлопнул крыльями попугай и покосился выпуклым глазом на Ричарда. Хохолок его поднялся, а массивный клюв щелкнул, будто попугай собирался выразиться куда как определеннее, но промолчал.

В лицо плеснуло водой и резко, словно пощечину залепило.

Ричард отряхнулся.

– Непокойно, – сказал он зачем-то.

– А то... – дэр Гроббе отер лицо рукавом. И перекошенное шрамом, оно скривилось. – Сейчас войдем. Тряхнет.

Корабль и вправду содрогнулся.

А небо, еще недавно светлое, высокое налилось чернильной чернотой. Кляксами поползли тучи.

– Вниз! – проревел дэр Гроббе, рукой махнув. – А то смолет.

Вниз не хотелось совершенно. И здесь, наверху, Ричард чувствовал себя беспомощным, а уж сама мысль о том, что он вот-вот окажется заперт в тесной коробке трюма и вовсе приводила в ужас.

И он мотнул головой.

Нет уж. Если тонуть, то с полным осознанием происходящего.

Дэр Гроббе молча бросил веревку.

– Привяжитесь.

– Тесь-тесь-тесь... – закричало в ответ эхо. А черные капли упали на воды. В какой-то момент показалось, что вовсе море и небо сделались неразличимы.

Ричард обмотался веревкой.

Светозарный сделал то же. Он обеими руками вцепился в борт. И продолжал вглядываться в темноту. Упорно. Зло.

Громыкнуло.

И от грохота этого корабль задрожал. А потом медленно стал подниматься. Выше и выше. Палуба заскользила под ногами. Кажется, Ричард услышал и протяжный треск-стон дерева.

Подумалось, что если они утонут, это будет на диво глупая, бесполезная смерть.

Но подъем сменился падением, столь стремительным, что от удара Ричард не удержался на ногах. Сверху накрыло волной. И горькая вода полилась в уши, в рот, в нос. Она, эта вода, намочила волосы, и шею, и одежду. Стало вдруг холодно.

А корабль снова поднимался. С натужным скрипом. Едва не рассыпаясь на части.

Да что это...

Слева мелькнула бледная тень.

Мелькнула и исчезла.

А справа донесся протяжный вой. И на него ответили.

– Нечисть, – это Ричард скорее угадал, пусть даже лицо Светозарного казалось сплошным белым пятном. Но все одно угадал. Услышать что-либо в этом реве ветра и волн было невозможно.

Угадал и согласился.

И стиснул рукоять меча. Не древнего, еще не овейного славой, но вполне себе надежного. А вой приближался.

Дэр Гроббе подумал, что мог бы отказаться от высокой чести.

И что это было весьма разумно.

Осмотрительно.

Что нынешний Повелитель не таков, чтобы за отказ скормить химерам. И понял бы. И принял бы. Поглядел бы с упреком, да и только. А уж совесть дэра Гроббе как-нибудь с этим упреком смирилась бы. Ей, совести, не привыкать.

И голос разума, опять же, нашептывал, что соваться в Проклятые земли... ладно, сами-то земли вон, не больно проклятыми и оказались. Обыкновенными даже, если хорошо подумать. Но это же ж только тут, по краешку. А ежели вглубь?

То-то и оно.

Вглубь-то земли куда как более проклятые, что уж о море говорить.

И надо было отказаться.

Надо.

А он согласился. И уж потом, после, смущаясь непривычно – отродясь старый пират эдаких тонких чувств не испытывал – говорил с командою. А те слушали.

Переглядывались.

И первым тронул печальную струну Антонио.

– Отчего бы и нет, – меланхолично произнес он, и голос его был тонок и звонок. Поневоле закралась мыслишка, что не ошиблась демоница-то.

Что, может...

Но её дэр Гроббе отогнал.

– Погибнем, – сказал он, чувствуя непонятную тоску. – Скорее всего.

– Вполне вероятно, – согласился Антонио. И пальцы пробежались по струнам, а на лощеной физии застыло выражение величайшей задумчивости. Даже мечтательности. – От судьбы не уйдешь.

И заиграл чего-то такое, то ли похоронное, то ли лирическое.

Вдохновляющее в общем. Понять бы на что.

Большой Дук поскреб голову.

– Дык... того... там же ж, небось... сокровища.

– До них поди-ка доберись, – заметил Юнни, не переставая ковыряться в носу, что явно говорило об интенсивном мыслительном процессе. – С одной-то стороны... а с другой

если, не сам на сам пойдём же ж?

И дэр Гроббе подтвердил.

– Тогда рискнуть можно... небось, Повелитель знает, чего делает. И Легионы эти... он же ж с ними? Тогда-то это шанс... такой шанс, который раз в жизни выпадает. Да...

– Как бы копыта с этого шансу не протянуть, – пробурчал Брав.

– Можно подумать, когда-то проще было, – Антонио прекратил мучить струны и огляделся. – Устал я... притворяться устал. И вообще...

Он провел ладонью по гладкому лицу.

– Я, конечно, не совсем, чтобы благородный... только вот... чего я усвоил. Ни один благородный род не появлялся из ниоткуда и уже благородным, – он поглаживал инструмент, и отчего-то смотреть на этикие нежности было слегка стыдно.

– Чего? – прогудел Дука и брови сдвинул, но так, не с угрозой, скорее с недоумением.

– Того... вот была у меня одна... герцогиня знакомая. Очень древностью рода гордилась. И предками. Мол, славные были. А славнее прочих – один, который собрал ватагу и принялся грабить всех, кого ни попадя. Уже потом, после, он удачно кого-то там на ножи поднял, и местный князек его под руку свою позвал. И перстенечком наградил.

Все фыркнули. Тоже мне...

– Не скажите, – а вот дэр Гроббе понял. И так тепло стало

на душе. – С таких перстенечков, свыше дарованных, и появляются потом благородные господа.

– Именно... еще один торгашом был. Или вот охотником, что сумел за горы пробиться... сюда, стало быть. Это все, ежели благородно, подвигом именуется, – Антонио отставил инструмент. – Оно-то, конечно, с иного подвигу и с богами повстречаться можно. А если выгорит... тут земель много. Владетель один. Одарит званием благородным, и будешь ты, Дука, не висельник, но честный аристократ.

Брови Дуки сошлись над переносицею.

– Еще и на принцессе женишься.

Дука замотал головой.

– Не хочу!

– С чего так?

– Так... они же ж во... мелкие. Такую бабу и раздавить недолго, – пожаловался Дука, но после призадумался и вздохнул. – Хотя от... у ладхемцев там одна есть... красивая женщина. Очень.

И руки развел, размеры красоты показывая.

– Ну вот, станешь бароном и женишься. И будет тебе счастье...

– Ладно баишь, – сплюнул Бран и вновь по старой привычке затер плевков ладонью. – Но с одного титула, если кто и получит, жив не будешь...

– Так ведь и вправду, город древний, забытый. Там много всякого, за что платят даже не золотом, – дэр Гроббе мыс-

ленно примерил титул, который...

Оно ведь и вправду... был пират, разбойник и висельник, разыскиваемый... где только, в общем, не разыскиваемый. А станет... если станет...

...а ведь аристократа повесить не так просто.

Особенно такого, который Повелителю присягу принесет. А дэр Гроббе принесет.

Коль жив останется.

И...

И «Веселая Магда» приняла на борт пару десятков легионеров, Командора их, рядом с которым дэр Гроббе ощущал себя неуютно, а заодно уж рыцарей Света.

И степняков.

И вот теперь, глядя на бушующую темноту, дэр Гроббе думал, что все-таки зря это он... наверное. Но вот откуда-то издалека донесся тонкий протяжный звук. Будто струну тронули.

И еще один.

Третий.

Они рождались, где-то там, впереди, среди кипящих волн и ветра, чтобы унять и то, и другое. Они умирали, но цеплялись за новые, выстраивая непонятную, но завораживающую мелодию.

И море тоже слышало.

Внимало.

Ветер рванул было, скользнул по снастям, вяло пытаясь

опрокинуть «Магду», да и унялся. А волны, еще недавно поднимавшиеся едва ли не до вороньего гнезда, облеглись. Улеглись. Море сделалось гладким, что зеркало.

И это было нехорошо.

Нормальное море себя так не ведет. А неведомая музыка расплзлась по этой глади. И главное, хотелось её слушать. Более того, стало страшно, что тот музыкант возьмет и...

Бросит.

Дэр Гроббе всхлипнул от страха. А потом отвесил себе оплеуху.

– Антонио! – рев его ненадолго перекрыл музыку. – Антонио, чтоб тебя... играй!

И спустя мгновенье уже тут, на корабле, зазвенели, загудели струны, но слишком слабы они были. Заухал и затопал кто-то.

Дук.

И выхватив нож из-за пояса, ударил им в борт. На стук отозвались с другой стороны. И еще дальше... верно...

Дэр Гроббе сам потянул клинки. Пусть простят его мастер и благородная сталь, но иного выхода нет. И металл ударился о металл со звоном. Где-то рядом зазвенело. Раздался лязг и хруст. И топот.

– Дружно! – рев Командора заставил дэра Гроббе бить клинком по клинку с большею силой. А меж тем по черной-черной воде скользили тени. Длинные. Расплывчатые.

И музыка, рождаемая ими – а в том у дэра Гроббе не оста-

валось сомнений – оплетала, поглощала иные звуки, порождая душевный дурман.

Надо было уши заткнуть. И...

– Готовься! – его крик почти потонул в темноте. – Сейчас полезут... все наверх... к бою...

И тревожно загудел корабельный колокол.

А дэр Гроббе подумал, что лучше уж в бою помереть... хотя, конечно, лучше бы не помирать вовсе, но как оно еще получится.

ГЛАВА 7

В которой есть место подвигу

*«И вознеся над головой меч свой, взмолился рыцарь, воззвав к Пресветлым Сестрам, испросив их о милости и благословении. Расступились тучи, и луч солнца пал с небес на голову славного воина. Тогда-то и понял он, что услышана была молитва его. Возликовал его дух. И вышел Светозарный на бой с проклятым чернокнижником. И поверг его...»
Сказание о деяниях Ордена Света и многих сынов его благородных.*

Он слышал вой.

Утробный. Душераздирающий. Порождающий одно-единственное желание: пасть наземь и молить о пощаде. Или хотя бы о смерти скорой. Но Артан лишь крепче сжал рукоять меча.

Стало... стало легче.

– Что это? – одними губами спросил он, сомневаясь, впрочем, что будет услышан. Вой оглушал. И люди... дэр Гроббе, вытащив зачем-то клинки, стучал одним по другому. Но ни звука не прорывалось сквозь вой. Где-то рядом огромный матрос с остервенением колотил палкой по мачте.

А вой... приближался.

Нахмурился Повелитель Тьмы. И фигура его подернулась

черной дымкой.

Понятно...

Что ничего не понятно.

Загремел корабельный колокол. А в черной глади то ли еще воды, то ли уже неба, скользнули размытые тени. Повелю... недобрым.

– Твою ж...

Надо было бы помолиться. Наверное. Воззвать... Артан читал хроники. Все герои обязательно воззывали к небесным покровителям. Да в голове пустота.

Заученные намертво слова молитв подевались куда-то.

И сами молитвы исчезли.

Благословение? Какое благословение в сердце тьмы... или где-то рядом? А о борт корабля ударилось что-то, тяжелое, заставившее суденышко содрогнуться.

– Держись, – Повелитель обернулся, и глаза его полыхнули алым.

Проклятое пламя.

Кровь демоническая. И доказательство иной, отвратной природе, силы. И надо... надо было вызывать на бой его. Артан стиснул зубы. И отвернулся.

Что бы ни происходило, он хотя бы умрет с честью. Правда, мысль об этом не внушала радости. Умирать, даже с честью, как-то вот перехотелось, что ли.

– Чего тут... – рев брата Яноша ненадолго перекрыл вой. А ведь голос у него хороший и...

– Гимн! – рявкнул Артан.

– Чего?

– Гимн заводи... Свету!

Брат Янош заглянул за борт. А теней становилось все больше и... и вой их... он не только раздирает душу. Он еще нашептывает, что зря Артан силится одолеть его. Что... все уже решено. И надо смириться.

Сложить оружие.

– От века грозного врага... – хорошо поставленный бас брата Яноша взрезал темноту. И к нему присоединился нежный баритон брата Свава.

– ...не одолеем сами...

Старый гимн.

Древний даже.

Ныне вовсе волею Храма выведенный из числа разрешенных, ибо что-то там не так... то ли со словами, то ли со смыслом. Не важно. Артан никогда особо не понимал этих словесных баталий.

– Наш древний враг не спит... – чей-то хриплый голос не попадал в ноты.

Пускай.

Слова подхватывали.

Люди.

И не только.

Рядом возвышалась темная фигура Командора. И оказывается, что тьма тоже бывает разной. Его – плотная злая. А

еще поющая, ибо пусть голос его теряется среди прочих, но Артан слышит.

И собственные губы его шевелятся, повторяя:

– Они наш меч, оплот и щит...

Белесая тень выползла из черноты, чтобы ловко, цепляясь за борта корабля, вскарабкаться выше. И выше. Артан теперь видел её. Тонкие длинные руки. Белесые. Полупрозрачные. Сквозь кожу видны и кости, которые сами по себе казались стеклянными, и синеватые сосуды, и мышцы.

Тонкое угреобразное тело.

И длинный хлыст волос, что расплывались по воде.

Лицо.

Красивое.

Пожалуй, настолько красивое, что в ином каком случае он мог бы залюбоваться им. А ныне просто повернул меч и ткнул меж пухлых приоткрытых губ. Тварь покачнулась и, выплюнув бледноватую мутную кровь, рухнула вниз. И тотчас вскипела вода.

– Они что... кто это... – брат Янош перевел дух. – Сохраните пресветлые Сестры... и чтоб я еще раз утреннюю молитву проспал!

А по борту уже карабкалась новая тварь. И еще одна. И не одна. Море, ставшее густым, тягучим, выпускало их одну за другой.

– А я слышал, что русалки прекрасны, – задумчиво сказал смутно знакомый матрос, тыча длинной пикой. Действовал

он весьма умело, и то одна тварь, то другая отваливались, чтобы рухнуть в кипящие воды.

Точно.

Артан узнал.

Это же певец. У него и физия была смазливая, и голос тонкий, нежный. Артан еще подумывал, не выписать ли ему рекомендательное письмо. В Храмах всегда была проблема с хорошими певчими, особенно после того, как внутренний эдикт запретил покупать рабов.

Да...

– Ну, это смотря с какой стороны глядеть, – брат Янош ловко орудовал мечом. Благо, тот у него был длинным и с виду вовсе неподъемным. Ходили слухи, что в годы молодые, когда стремления к прекрасному в голове было больше, чем здравого смысла, брат Янош принес присягу, что, дескать, отныне и до конца жизни своей станет воевать этим вот, больше похожим на железную искривленную палку.

– А с какой надо? – осведомился кастрат, ловко снеся твари голову. Та плюхнулась куда-то вниз.

– Ни с какой не надо...

– Отступаем, – Повелитель, который до того просто смотрел, сделал шаг назад. – Legionеры лучше справятся.

И рядом с Артаном вырос человек в черном доспехе.

Человек ли...

– Так и мы, вроде... – пробасил брат Янош, но пот со лба отер. Во времена былые он славился не только голосом, но и

статью, отчего, верно, и с мечом своим управлялся куда как полегче. – Отвык чегой-то я...

– Ничего, время привыкнуть будет, – певец оперся на древко пики. – Это только начало.

А Артан подумал, что с таким началом до конца можно и не добраться.

Легионеры, вытянувшиеся вдоль бортов корабля, действовали весьма умело. Со спины если смотреть, то вовсе казалось, что они просто стоят. Стоят себе и... пахло рыбой. Так вот остро, как на рынке поутру. Даже вспомнилось, как в детстве он, Артан, напрашивался с кухаркою на рынок, где и бродил, прячась за широкими юбками, разглядывая, что длинных угрей, что еще более длинных, уродливых рылом мурен, которых торговали на вес, что серебристую рыбную мелочь.

Захотелось той самой рыбы.

Мелкой.

Обваленной в приправах и пожаренной на открытом огне. И чтобы горячая, с ароматом... рот наполнился слюной и стало стыдно. Тут вон битва идет. А он о рыбе.

– Кто это вообще? – брат Янош опустил клинок и, уткнув острием в палубу, оперся на рукоять.

– Русалки, – ответил Повелитель.

Демоническое пламя в глазах не погасло.

– Они же водяницы, лярдвы или лопоушницы.

– Чего?

– Хугоры. Полуводницы... названий много. Когда-то их вывели, чтобы рыбу сторожить.

– Чего?! – тут уж не удержался певец.

– Не знаю, честно, как это было, но встречал упоминания, что в Империи рыбу выращивали, как овец. И вот лярдвы пасли рыбные стада.

Все замолчали, и Артан честно попытался представить, как это могло бы быть... не получилось.

– А тут, наверное, одичали. И рыбу сожрали. А поскольку изначально кормили их потрохами... – Ричард замолчал.

Люди же переглянулись. Верно. Потроха – штука такая... самим пригодятся.

– На самом деле они не слишком опасны. Были. Вот про голос я не знал...

Запах рыбы сделался почти невыносим.

Но жареной все одно хотелось.

– Что-то приближается, – Ричард закрыл глаза. – Что-то куда более... серьезное. Мне надо на нос.

И развернулся.

– Так это... – брат Янош закинул клинок на плечо. – Может, и нам того... надо... тудить, если серьезное...

Артан кивнул.

Рукоять меча нагрелась. Да и сам он светился бледным слабым светом, но все же. Это должно было что-то да значить, оставалось лишь понять, что именно.

Не знаю, зачем я полезла в эту комнату.

И почему её не заперли. Или... запереть что-либо в Замке, который обладает собственным взглядом на мир, сложно? В этом все дело?

Не важно.

Главное, я честно сидела, пялилась в окно, стараясь уговорить себя, что все-то хорошо и даже замечательно. Что мир не рухнет в пропасть.

Ричард вернется.

С победой. И... и мы поженимся. Если, конечно, он не передумает. Но с другой стороны, с чего ему передумывать? Он не из тех, кто берет вот так и нарушает данное слово. Хотя, конечно, мало радости, что на тебе женятся не по любви, а по слову.

Совсем запуталась.

И сидеть стало тошно. Я во двор и вышла. Во дворе была пустота и тишина, если люди и оставались, а я знаю, что они оставались в Замке, то держались где-то в стороне.

А я что?

Я... прогулялась туда. Сюда. И снова туда. Вдалеке маячили молчаливые фигуры легионеров, добавляя депрессивности общему, и без того не особо вдохновляющему, пейзажу.

– В сад! – громко объявила я.

И раз сказала, то и сделала. В саду была та же тоска и легкое ощущение грядущей катастрофы. Правда, тут я осозна-

вала, что ощущение – вещь такая, глубоко субъективная, но не могла отделаться от них. Даже громко и уверенно произнесенное:

– Все будет хорошо!

Не помогло.

И я вернулась в Замок. Почему-то там верить, что будет, если не хорошо, то хотя бы не очень плохо, было легче.

Ну а потом я просто бродила.

Бродила.

И забрела.

Пустота... то же окно и синева за ним. Книга. Плед. Туалетный столик. Мое безумное в нем отражение, смотреть на которое не хочется, потому что становится совсем уж невыносимо.

И злость берет.

Иррациональная.

Как он мог... как допустил, чтобы я осталась? Почему-то именно сейчас все аргументы, все доводы, казавшиеся там разумными, рациональными, теперь выглядели пустыми отговорками. Просто... просто он не захотел меня взять и все!

– Жора, – я отвернулась от зеркала, которое на туалетном столике. – Возьми себя в руки.

Помогло слабо.

Руку за руку я взяла и пальцы стиснула, с непонятным удовольствием причиняя себе же боль. Когти пропоролы кожу, и на ней проступили красные пятнышки крови. Вид их немно-

го отрезвил.

Это кровь.

Это демон внутри меня. Сидит и нашептывает дурное. Но я не должна слушать. Поддаваться. В теории. Я ведь знаю, что я – не такая. Я... я хороший человек.

Я не делаю гадости людям.

Не истерю.

Не страдаю избытком ревности. И вообще разумна, рациональна. Сдержана.

Вот так и повторять себе почаще. Глядишь, поможет.

Я закрыла глаза. И открыла. Взгляд скользнул по комнате... а пол вымыли. Я помню, как Ричард чертил на нем мелом фигуры. И звезду. Звезда называется пентаграммой. Кажется. А может, и нет. Главное, она была. И круг внутри. И непонятные знаки.

Свечи.

Как в ту нашу, первую встречу.

А теперь исчезло все... кто убрался? Или...

– Ты? – тихо спросила я. И поняла, что права. Конечно, кому, как не Замку, наводить порядок. А вот зеркало осталось. И выглядело почти прежним. Разве что у самой рамы бледной нитью пролегла трещина. Я осторожно коснулась её когтем.

И вправду трещина.

Едва заметная.

– Ты еще живое? – спросила я зачем-то и села напротив

зеркала.

Замок молчал.

Это... это глупо! Неосторожно! Мало ли... или, будь зеркало опасно, Ричард не оставил бы его здесь? А если и оставил бы, предупредил бы, чтобы я не подходила.

С другой стороны, душницу он убил.

Тьму выпил. А без тьмы зеркало – просто зеркало.

Или нет?

Надо встать. Уйти. Заняться... чем-нибудь. Если не уборкой, то хотя бы библиотекой. Почитать чего-нибудь там душеспасительного и нервоуспокаивающего. Или хотя бы книги расставить.

А я сидела и пялилась в черное стекло. Или на себя? Лицо узкое. Похудевшее. Всегда мечтала и никогда-то не получалось, а тут вышло, но радости никакой.

Страшная...

Щеки ввалились. Нос будто больше стал. Глаза провалами и посверкивает в них что-то рыжее. Или алое... будто пламя. Дьявольское.

Правильно, какое еще может быть у демона-то?

Я повернулась влево.

Вправо.

Профиль ничуть не лучше. Шея тощая. Белая блуза измялась, юбка не лучше... тоже мне, красавица в заточении.

– Покажи уже что-нибудь поинтересней, – проворчала я, чувствуя, как непонятное раздражение уходит, сменяясь глу-

хою тоской. Может, хрен редьки и не слаще, но зато и желани-
я убить кого-нибудь тоже нет.

А мое отражение пошло рябью.

И стало не моим.

Вот... вот моя дорогая начальница, спасибо за все ей,
говаривала, что язык мой – враг мой. Права была. На ме-
ня смотрела девушка удивительной красоты. Если покойная
брала... не знаю, аурой?

Харизмой?

Чем-то еще?

Не важно, главное, душница была симпатична, а эта вот...
я залюбовалась. Ею.

– Демон, – сказала девушка. Точнее губы её зашевели-
лись, но из-за стекла не донеслось ни звука, что, впрочем,
ничуть не помешало. Я поняла!

Я, проклятье, поняла!

– Сама такая, – ответила я ей. И она улыбнулась, снис-
ходительно, как взрослый, которого пытается передразнить
ребенок.

Аккуратное личико.

Точеные черты.

И глаза невероятной глубины. В этих глазах мне виделось
отражение бездны. А еще даже издали, даже без рогов и
хвоста было понятно, что передо мной демон.

И демон страшный.

Мне хотелось упасть перед зеркалом, вжаться в пол, на-

крыться крыльями. И хвост мелко трясся. И кажется, по спине сползали ручейки пота.

Она засмеялась.

И смех этот, прорвавшись сквозь зеркало, причинил боль.
– Прекрати, – я все-таки усидела.

Упрямая.

И всегда была упрямой. Наверное, поэтому и смогла сбежать из дому. А еще усидеть, когда вся та, другая, суть требовала спастись. Но я хозяйка своему демону.

Я вытерла нос рукой.

Надо же, кровь пошла. Жалкое, должно быть, зрелище.

– Ты... там? – она прекратила смеяться.

– А ты там? – эхом отозвалась я. И демоница развела руками. – Давно?

– Давно.

Станный у нас разговор. Если вовсе разговор.

– Заблудилась?

– Заблудилась.

– Раньше там была другая. Твоя... твоё...

– Создала, – сказала демоница. – Сделала. Я взяла и сделала. Её.

Она пошевелила тонкими пальцами. Когти их украшавшие тоже были тонкими и с виду нежными. Но виду я не верила. И жемчужному блеску этому тоже.

– Она обманула.

– Мне жаль.

– Не врешь.

– Зачем мне?

– Ты боиш-ш-ш-ся, – темный язычок скользнул по губам. – Слышу.

– Да вот... как-то... это не я. Это демон.

– Он у тебя слабый.

– А у тебя сильный?

– Да, – она кивнула. – Отец призвал сильного. И я съела его сердце. А потом выпила кровь. Так было надо.

Кому-то... какому-то уроду, который решил, что знает, как для неё лучше. И это бесит невероятно.

– Мне... жаль.

– Меня?

– Тебя. Ты помнишь, какой была раньше?

– Слабой? Глупой? Я верила им. Всем. Отцу. И ему тоже. Так радовалась. А он вот... как так можно?

В общем, дышать стало легче. А я кивнула. Все мужики... даже демоны с этим согласны. Ладно, не все, но некоторые особо одаренные.

– Что ты с ними сделала?

– Убила. Не я. Наш сын. Ты придешь?

– Меня не взяли, – пожаловалась я и закрылась крыльями.

В них почти тепло и даже уютно. – Твоя эта... украла девушек. Принцесс. Ты ей приказала?

– Нет, – демоница покачала головой.

– Зачем они нужны?

– Мне?

– Ей.

– Не знаю. Люди вечно что-то придумывают.

– А ты? – раз уж вышло побеседовать с этим вот... предвечным злом, надо пользоваться моментом. Я поерзала, усаживаясь поудобнее.

– Я нет. Я... сижу вот.

– Чего ты хочешь?

Она задумалась.

И думала долго. А я... я не торопила. И даже страшно было, что зеркало закапризничает и отключится. И я снова останусь одна со своими мыслями да предчувствиями.

– Раньше... раньше я хотела отомстить. Всем. Убить.

– У тебя получилось.

– Да?

– Империи больше не существует.

Рот демоницы округлился. Наверное, это выражало удивление. И ресничками хлопнула. И пальчик к губам поднесла.

– Врешь, – наконец сказала она.

– Да чтоб мне... под землю провалиться! – ответила я, подумав, что сильно могучий демон не обязательно должен быть еще и умным.

Или она просто притворяется?

Но зачем?

Ладно бы тут Ричард сидел, или еще кто из мужчин, перед кем можно было бы сыграть прелесть какую дурочку. Но я-

то...

– Ты её, кажется, и уничтожила, – просветила я демоницу.

– Я? – протянула она и головой потрясла. – Нет.

– Ну... скажем так, не то, чтобы я совершенно была в этом уверена, но вот... вот складывается ощущение, что именно ты. Понимаешь... я ведь не отсюда. И всего точно не знаю. Хотя сейчас всего точно никто не знает. Люди позабыли. Но вот... смотри, из того, о чем мне рассказали... свадьба была. Императора.

– Моя, – вздохнула демоница печально.

– И ритуал. Так понимаю, тоже с тобой. И во время этого ритуала что-то категорически пошло не так. Тьма вырвалась на свободу, а с ней тот, кого называли Младшим богом. Он прошел по городу и разрушил его.

– Он просто защищался! – вполне искренне возмутилась демоница.

– Так я не спорю, – не хватало, чтобы она на меня и обиделась. Или вот сгинула. – Главное... ты же видела, что город разрушен.

– Город, – она прикрыла глаза. – Да... город. Они закрыли меня. Нас. Уйти нельзя. Ничего нельзя. И тут. И там. Сложно. Очень... пусто.

– Вот... а следом свободу обрели все демоны. Их ведь было много, так?

– Так, – она кивнула. – Демоны... полезные... их звали и звали. Отец вот. Отец умер. Он умер.

– Император?

– Да. Все умерли. А я нет, – мне почудилось, что сказано это было с сожалением. Так и тянуло сказать, что скоро исправим упущение. Я даже язык прикусила. Немного. – Но Империя большая... большая-пребольшая.

Она руки развела.

– Я видела. Карту. Давно уже.

– Я тоже видела, – согласилась я и, поерзав, сказала. – Древнюю. Сейчас люди даже не верят, что Империя была.

– Идиоты.

Комментировать я не стала, а она тоже умолкла, явно раздумывая над услышанным. И молчание это с каждой минутой становилось все более тяжелым.

– Чего ты хочешь? – я решилась прервать его вопросом. И демоница закрыла глаза.

– Не знаю, – сказала она. – Раньше... раньше было обидно. И я хотела всех убить. Он и убил. Потом... потом мы были вдвоем. Долго-долго... и там, по другую сторону... темно и тоскливо. Еще потом я научилась видеть. Через зеркала. Не все. Некоторые. И люди смешные. Я хотела их убить тоже. Не потому, что злилась. Уже нет. Просто... голодно очень.

Это прозвучало почти жалко.

– Но нет. Я видеть могла. Недалеко. Смотреть. И он тоже, – демоница развела руками. – Правда... время... и голод... и то, что мы видели, смотрели, становилось меньше и меньше.

– Зеркала закрывались?

Именно.

Если это был пробный ритуал... хотя нет, для пробного – слишком уж... высокая цена? Именно. Вряд ли Император согласился бы пустить под нож супругу с ребенком без веских на то оснований. Хотя и с вескими... права демоница.

Сволочь он.

Но не суть. Должны были проводиться эксперименты. Если нашу историю вспомнить, то железную дорогу тоже начинали с небольшого кусочка. Так что... допустим, эксперименты проводились. И показали, что идея перспективная. И более того, должен был бы существовать рабочий прототип. Такой, через который можно пройти, пусть и в соседнюю комнату.

Или несколько.

Столько, чтобы стало ясно, что система работает. Пусть магическая. Пусть сомнительной морали. В той сгинувшей Империи с моралью, помнится, все было плохо. Так вот... прежде чем начать этот уродливый ритуал, они должны были подготовиться. И не только свечами да таинственными знаками.

Порталы.

Те, куда и планировалось направить силу. Это... это зеркала. Ритуал не сработал. Точнее, не совсем так, как хотелось людям, его проводившим. Вот зеркала и должны были стать частью системы... да, скорее всего речь именно о си-

стеме порталов.

Вероятно, их как-то готовили, эти зеркала. И даже подозреваю, что не обошлось без крови и жертв, а потому желаниа узнать подробности у меня нет. Главное, вряд ли это было любое зеркало, нет... тогда... тогда сами по себе эти зеркала должны были отличаться от обыкновенных.

Могла ли демоница видеть их изнутри?

Скорее всего.

Могла ли она дотянуться? Пройти?

К счастью, нет.

А вот смотреть... империя рухнула, но случилось это далеко не сразу. Тем паче, что страна была огромная, да и обретшие свободу демоны, пусть бы их и было множество великое, вряд ли сумели бы уничтожить все. Люди спасались.

С имуществом.

Своим. Но случалось, что и чужим. Добавим охотников за наживой, которые точно не упустили бы момента. Мародеров. Случайные случайности и прочие, портящие нормальному аналитику жизнь, обстоятельства. И эти зеркала в период Хаоса расползлись по окрестным землям.

Возможно?

Вполне.

Демоница глядела сквозь них. И... и потом что? Гасли? Ричард говорил, что Тьма слабела. Да и физику я, пусть смутно, но помню. Не знаю, насколько она применима к магии, но КПД свыше ста процентов невозможен. А значит,

энергия, заключенная в тех зеркалах, должна была рассеиваться. Понемногу, но все же. Что в свою очередь приводило бы к разрушению связей.

Зеркала гасли.

Одно, другое... почему она не воспользовалась ими, как тем, перед которым я сижу? Понятия не имею. Расстояние? Связи? Или... или не нашлось никого, кто согласился бы на сделку с демоном? Какого-нибудь одержимого наукой чернокнижника или девицы, что почти утратила душу? А еще сотворенного артефакта... да, это, пожалуй, не самое частое стечение обстоятельств.

– Скучно, – пожаловалась демоница, прервав мои размышления. – Но скоро будет весело. Совсем-совсем.

Да уж, меня от этого грядущего веселья потрясывает.

– Злишься?

Её губы растянулись. И в улыбке этой... в общем, демоны от людей отличаются. У меня опять хвост затрясся.

– Приходи, – предложила демоница. – Без тебя он не справится.

– Как?

– Ты знаешь, – она положила ладонь, и зеркальная поверхность натянулась. – Я помогу...

– Спасибо, не надо.

Смех демоницы заставил меня сжаться.

– Это зеркало последнее. Больше нет. И она его испортила. И он тоже. Но ничего. Еще немного осталось, – сказала

она. – Покажет, что ты хочешь. Попроси... хорошо попроси... а потом подумай.

ГЛАВА 8

Где принцессам приходится нелегко

«Собрались добры молодцы с земель ближних и дальних. Первыми явились ко двору королевичи, каждый собою хорош, при свите великой да с дарами предивными. Следом герцоги да бароны, какие только были. Всяк желал удачи испытать. И подымались они в башню высокую, вставали пред дверью железною стражу нести, да только никто-то до утра не добыл...»

Сказка о зачарованной королевне и вдовьем сыне

Летиция Ладхемская чувствовала себя... в общем, не так, как должна была чувствовать девица высокого происхождения и хорошего воспитания. Она шла и материлась. Тихонечко. Под нос. Зато от души. И главное, в голове вертелись всякие глупости, про то, что спину держать надобно, за походкою следить и подбородком, который должен быть параллелен земле.

И носок тянуть.

Если не тянуть носок, походки не получится. А как ты его потянешь, если древняя дорога для хождения в атласных туфельках не приспособленная. Тут то трещина, то камешек

какой норовит подсунуться, то вовсе корень из земли торчит, за подол хватает.

Одна радость, на самой Летиции платье простое, грубоватой ткани даже. А вот у Ари – из тафты. И ковыляет сестрица, юбки едва ли не по колено задравши, придерживая обеими руками, и материться уже не под нос.

А ведь тоже с душой.

Виросска, хоть и не матерится, но мрачна, сосредоточена. И взгляд её нет-нет, да поднимается к небесам, выискивая темные тени. Только небеса те изрядной синевы.

И ни облачка на них.

И драконов, что характерно, тоже нет. Но оно, может, и к лучшему.

Спокойно шествует островитянка, секиру на плечо закинувши. И кажется, что в секире этой вовсе нет весу. Степнячка тенью скользит, как-то так, что становится ясно – не мешают ей ни корни, ни камни, ни трещины. А вот каблучок Летиции в одну такую угодил.

И застрял.

И каблучок-то махонький, но вот... она дернула ногу и зашипела от злости. Если туфли развалятся, то что дальше-то? Босиком ходить по этим развалинам?

– Стойте, – Летиция поняла, что дергать туфельку смысла нет. – Я... тут...

Признаваться, что застряла, было стыдно.

Молчать – глупо.

– Сейчас... освобожу... – она наклонилась, пытаясь подгрести юбки – пусть платье и было из простых, но даже такие без подъюбников не принято носить. И те как раз мешались, топорщились.

Проклятье!

– Погоди, – рыжая Яра присела рядом. – Успокойся. Вытаскивай ногу.

Теплые пальцы сдавили щиколотку.

– Застежка тугая, – зачем-то пояснила Летиция. – Извини...

Нога освободилась. А следом и туфелька. Правда, каблук все-таки скривился.

– Это не я, – Яра покрутила туфельку. – Может, его вообще... того?

– С подошвой оторвется, – заметила Ариция и поглядела так, будто это Летиция виновата, будто она нарочно в щель угодила. – Да и уже...

Она отобрала несчастную обувь и сунула внутрь палец. Палец вылез в дыру сбоку.

Летиция почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Да что же это такое-то?! Она не виновата, что... она... она ведь просто шла! И не собиралась... попадаться.

Случайно.

И вообще... она замуж выходить ехала, а не бродить по историческим развалинам. Если бы сразу про развалины сказали, она бы... она бы, может, подготовилась.

Секиру бы прикупила.

Или еще чего-нибудь. К примеру, сапоги. А так? Кто с секирой на жениха ходит-то? Правда... вот и зря. С секирой оно всяк вернее. В том числе и на жениха. А теперь что? Ни секиры, ни сапог, ни... чтобы не расплакаться от обиды, Летиция закусила губу.

– Так, – Яра забрала туфлю, покрутила и выкинула. – Что? Ходить в этом все равно не выйдет. И вообще... надо чего-то с вашими нарядами делать. Вторую сымай. И юбки. Сколько их там?

– Пять, – ответила за Летицию Ари. – Или семь?

– Три, – Летиция поняла, что краснеет. А ведь казалось, она изжила в себе этот отвратительный недостаток. – Что? Жарко было. И неудобно... а еще эта... все зудит, что я неприлично себя веду. Я и подумала, что раз так, то... то некроманту и три юбки можно. Если все равно неприличный. Сам по себе.

Ариция задумалась. А вот Яра приподняла подол платья и уставилась на эти самые юбки. Юбки были хорошими, нижняя – батистовая, приятные к телу, а верхние – из плотной накрахмаленной ткани.

– А они тебе нужны? – поинтересовалась рыжая, ткань пощупавши.

– Без юбок неприлично.

– Боги, – Мудрослава закатила глаза. – Мы находимся посреди Проклятого города. Тут тьма, нежить, чудовища... мо-

жет, нас к вечеру и вовсе сожрут. А она о приличиях!

– А может, и не сожрут. И что тогда? – возразила Летиция исключительно из вредности. – И вообще... лучше погибнуть приличною девицей...

Правда, приличные девицы не носят всего три юбки. Семь. Или пять в исключительных обстоятельствах, но тогда нужно еще нижнее платье. И панталоны. Правда, мнения о приличности панталон в обществе расходились, но почему-то показалось, что обстоятельства нынешние не совсем подходят для обсуждения данной темы.

– Лучше вообще не помирать, – заметила островитянка, щурясь. – Идти надо...

– Надо, – Яра изо всех сил дернула юбку. И та затрещала.

– Что ты...

– Сними. Тебе же легче будет. Заодно ноги замотаем. Будет не хуже твоих туфелек!

– Нет, – Летиция вцепилась в юбки, почему-то сама мысль о том, чтобы расстаться с ними ужасала. – Ты... ты...

– Там завязки, – подсказала Ариция. – И мои тоже... сможешь?

Мудрослава кивнула.

– Неудобно так, должно быть, – заметила она, ныряя в ворох кружевных юбок. – Ходить. И вообще... не тяжело?

– Да... как сказать. Привыкнуть надо, – Ариция стояла спокойно и глядела на сестру с насмешкою, чего стерпеть было вовсе невозможно.

– Снимай, – решила Летиция и зажмурилась от ужаса. А потом ужас прошел. И... и вправду, кто их тут увидит? Тени прошлого? Мертвецы? Нежить? Нежити, коли жрать полезет, все равно будет, сколько на Летиции юбок.

– Вот с фижмами если, так проще, – продолжала делиться сестрица. – Там только рубашка исподняя, рубашка нижняя, которая под фижмы. Сами они. Потом юбка поверх, нижнее платье и верхнее.

– И вправду, удивительная простота! – раздался голос рыжей откуда-то из-под юбок.

– Не скажи... если по дворцовому этикету, то для торжественного выхода нужна дюжина юбок под платье... а тут только...

Ткань затрещала.

Вот ведь! там же завязки есть. И пуговички. Перламутровые...

– Все равно жуть, – Яра вынырнула из-под подола. А юбки упали на пыльную тропу. Две. Третью трогать не стала. – Хотя, конечно, наше придворное платье тоже... там юбок не надо.

– Ага, всего-то пара рубах... и ткани такие, что от золотого шитья не гнутся. А наверх меха... или душегрея. Маленькино платье венчалное я как-то примерила, так едва устояла-то! – Мудрослава тоже с юбками справилась. – Их бы укоротить... особенно это вот.

Тафта повисла печальными складками. Она и запылилась,

и кружево оторвалось слегка. А главное, что ткани оказалось как-то слишком уж много.

– Или подвязать?

– Обрезать?

– А у нас нет такого, чтоб наряд... просто платье. С вышивкою, – поделилась Брунгильда. – Обязательно, чтоб сама девка и расшивала, ну, чтобы все видели, какая она мастерица.

Летиция вздохнула, признав себе, что, будь в Ладхеме подобные порядки, ей пришлось бы сложно. Вышивать, конечно, она умела, но вот не настолько, чтобы себя мастерицею считать.

– А отец там или родня дарит нитки, бусины всякие. Каменья.

Яра, усевшись на обочине дороги, раздирала юбки на длинные полосы. Ткань трещала и расходилась. Солнце стояло еще высоко, а душу грызла тоска. Летиция даже не сразу поняла, что за она.

Она закрыла глаза.

Сделала вдох.

И...

Девушка кружилась в танце. Она была прекрасна.

И нага.

Летиция моргнула. Не то, чтобы она вовсе не видела обнаженных девушек. К сожалению, случалось. Там, в той еще жизни, когда она считала себя самой умной и талантливой.

вой. Но даже тогда наготу мертвецов прикрывали, чтобы не оскорбить взора Летиции.

Нынешняя...

Наготы не стеснялась. Смуглая кожа. Темные волосы. И золотые украшения. Звенят браслеты. И сверкают пламенем камни.

– Хороша... – смеется кто-то.

Мужчина.

Молодой. В белых просторных одеждах. Он возлежит... на низкой кушетке? Странноватой с виду, но все же кушетке. И разглядывает девушку.

– Во что обошлась? – интересуется второй, который тоже лежит, но на спине. И ногу на ногу забросил. И смотрит не столько на девушку, сколько на узкую стопу свою.

А музыка становится быстрее.

Злее.

Сейчас... Летиция еще когда научилась различать приближение того самого опасного момента...

На стопе повис туфель. Туфля? Или туфелька? Пусть мужская, но с узким длинным носом, расшитым золотом и камнями, украшенная шнуром. Роскошная.

Туфелька.

Она смотрела на неё.

И слушала безумную музыку.

– ...и все же Император не простит такого показательного выступления. Не явиться в Храм...

– Да ладно, куда он денется. Ему нужны и люди, и сила. И давно уже пора отказаться от этих нелепых выборов. Я по силе равен ему.

– Это пока он не принял сердце своей демоницы.

– Да не рискнет, тем более я слышал, что вовсе не для того обряд затевается, а...

Музыка обрывается.

И девушка застывает. На долю мгновенья. Её тело выгибает судорога. А смуглая кожа покрывается испариной. Или чешуей.

– Что за... – туфелька падает на роскошный ковер. А человек пытается подняться.

– Начали, – поморщился тот, другой. У него бородка, заплетенная в две косы. И левая выкрашена в белый цвет, а правая – в алый. Наверное, это красиво. – Идиот... я же говорил, что у этого придурка не хватит силы духа.

– Что-то не то, – третий, до того молчавший, поднимается с ложа.

Или все-таки кушетки?

– Да ладно... там полный круг. Если что, поддержат. Но ему всегда не хватало концентрации.

Девушка падает на пол.

– Ты явно переплатил, – тот, который потерял туфлю, тоже поднялся и подошел ближе. Босая нога его пнула лежавшую девушку. – Обряд провели криво. Видишь, сущность прет...

– Ошейник...

Она выгнулась. И оскалилась. Из горла её вырвался низкий клекочущий рык.

– Вот... тварь, – лениво произнес хозяин. – Место...

И огонь, сорвавшийся с пальцев его, коснулся темной кожи, чтобы скатиться с неё и погаснуть.

– Что за...

Договорить он не успел. Демоны убивают быстро.

Летиция упала бы.

Удержали.

Крепко. Надежно. Так, что... что она просто повисла на чужих руках, глотая горячий воздух. На губах еще ощущался вкус чужой крови.

– Что? – хмуро поинтересовалась Мудрослава.

– Она... – Летиция поняла, что снова может говорить. – Их убила... демоница... не та, которая главная. Другая. Здесь... кажется, было много демонов.

Она почувствовала, что дрожит.

И дрожь эта предательская вовсе не от холода.

– Было, – Брунгильда обвела окрестности хмурым взглядом. – Да уже давно... выбыло. Идти надо.

Надо.

Куда? И есть ли смысл? Или может, проще сдаться? Чтобы, если и убьют, то сделали это не больно. Боли Летиция боится куда больше смерти.

– Стоять можешь? – Яра, которая держала Летицию, руки

убрала.

Может.

А вот идти...

– Ногу дай. Да, вот, на плечо обопрись, если тяжело. Славка, ей тоже мотай, там туфли не лучше.

Летиция молча стояла, глядя, как ногу её обматывают полосами тонкой ткани. А ведь полотно на юбки брали наилучшего качества... вот и сгодилось.

И на вторую осталось.

И запасом, который Яра свернула преаккуратнейшим образом.

– Мало ли, – сказала она. – Место-то недоброе. Еще поранится кто. Перевяжем.

– Перевяжем, – эхом отозвалась Летиция и закрыла глаза, а потом поспешно открыла. Прежде её дар был послушен. Прежде прежде ей требовалось коснуться тела. Именно тела, ведь наставник тоже пытался иначе, привозил во дворец и вещи покойных, и волосы, а одного разу и вовсе голову привез.

В спирту.

С головой ничего не вышло.

А тут... тут, похоже, не нужны ни головы, ни тела. Тут запах смерти в камень впитался.

– Идем, – Мудрослава, закончивши обвязывать ноги Ари, зашагала вперед. И Ариция двинулась за ней. А Брунгильда махнула, мол, вы следом. И Летиция подумала, что и вправду

так правильнее. У нее ведь оружие.

И... и не поможет.

У тех троих тоже оружие было. Сейчас, когда видение поблекло, она могла разглядеть и детали. Короткий меч в руке третьего. Плеть, что выпала из пальцев того, который говорил об Императоре.

Силу...

Силу демоница просто выпила.

Летицию мутило.

И шла она медленно. Надо было быстрее, но сил не хватало. И она просто шла, глядя под ноги.

– Ничего, – Яра почему-то не бросила, а шла рядом, и еще под руку поддерживала, будто Летиция какая-то... не важно. Главное, что именно сейчас Летиции больше, чем когда-либо нужна была эта поддержка. – Сейчас придем. Отдохнем. А там и решим, чего дальше.

Стена.

И провал. В нем мерещится движение. Но кто бы ни прятался в развалинах старого дома, он не рискнул показаться. То ли людей было много, то ли солнце пока стояло высоко.

Двор.

И серая трава рассыпается пылью, но то тут, то там выглядывают тонкие зеленые стебельки.

– Бедные, – Ариция опустилась на колени. – Им тяжело...

Она провела ладонью по этой траве, и та вдруг налилась соком, зазеленела.

– Ты ж некромант! – не удержалась Летиция. А сестра вздохнула.

– Сама не знаю, как вышло...

– Вода, – Брунгильда повела носом. – Давайте к воде, пока не упали от солнца. А там и разберемся, кто чего видел и кто чего может.

Наверное, это было разумно.

Очень, очень разумно. И пить хотелось. Настолько, что когда показалось темное, черное почти озерцо, Летиция едва не закричала от счастья. А уж чего ей стоило не упасть на колени перед мутною этой водой – одни боги знают.

Не упала.

Устояла.

И даже сумела изобразить сомнения.

– Это... может быть небезопасно, – Мудрослава сполна их разделяла.

– Может, – согласилась Брунгильда, зачерпнув горстью воду. Её она нюхала и хмурилась. – Только без воды мы точно помрем. А тут, глядишь, может, и не потравимся. Ну, если повезет.

И все, переглянувшись, кивнули.

А Летиция подумала, что она... она совсем даже не против потравиться. Что из всех ею виденных смертей эта не самая худшая.

И коснувшись губами темной воды, застонала от радости.

– А с одеждой вашей надо что-то да делать, – задумчиво

произнесла Яра, омывая лицо. – И с обувью.

Обмотки и вправду промокли. Тут, на берегу то ли пруда, то ли болота, что появилось на месте пруда, земля была черной, жидкой и влажной. И эта жижа мигом пропитала ткань.

– Может, в дом заглянуть? – предложила Брунгильда, которая пила осторожно, но жадно. Она зачерпывала горсть за горстью и видно было, что все никак не может напиться.

– Опасно...

– А что тут не опасно.

И стало тихо.

Летиция тоже пила. И пила. И... вода была горькой, но и сладкой тоже. Вкусной, несмотря на легкий запах пыли, что исходил от неё. И напиться вовсе казалось невозможным.

Но она напилась.

И лицо отерла от пыли, подумав, что теперь кожа точно прыщами покроется. Но с другой стороны, снова... какое это имеет значение?

А потом, обведя двор и всех-то в нем, Летиция поинтересовалась:

– А куда подевалась Теттенике?

ГЛАВА 9

О том, что лошади – очень умные создания

«Во времена стародавние, когда небо глядело на землю и не могло наглядеться, а земля так же от любовалась небом, жил на самом краю мира народ. Ныне-то уже и старики позабыли, как он назывался. Ведаю лишь, что люди те были малы, вот с половиною обыкновенного человека, но крепки так, что и ребенок способен был коня поднять, а взрослые и вовсе огромные каменья двигали. Но это оттого, что жил тот народ в скалах, в самом нутре их глубинном. Даром они обладали удивительным – видеть горы, вот как мы все-то вокруг видим. Что жили золотые да серебряные, что каменья драгоценные, что пещеры, что воды. Все-то им открыто было. И славились оные люди, как великие мастера, равных которым под солнцем не было»

«Рассказ одного старика из селения Никишки, записанный студизусом Витой Лютым во исполнение задания практического»

Теттенике закопалась с головой в солому, так и сидела, пытаясь решить, что же ей делать. Рядом вздыхал и топал огромный драссар, которому сомнения человека не были понятны.

И... и вообще, он лошадь!

Это глупо – советоваться с лошастью. Но что, если больше не с кем? Нет, людей-то в конюшне собралось много. Они приходили. Уходили. О чем-то говорили, к счастью, не замечая Теттенике.

А потом и вовсе все стихло.

Но хуже всего, что дар не отзывался! Теттенике пробовала и так, и этак. И сейчас вот закрыла глаза изо всех сил сосредоточившись на будущем.

Будущего не было.

Мир не спешил истаивать. Напротив. В нос лезла сухая травинка, за шиворот насыпалось трухи, отчего грязное тело чесалось. И голова тоже чесалась. И кажется, в волосах копошились насекомые.

Отвратительно.

А главное, хотелось есть. И в туалет.

– Вот что мне делать! – воскликнула Теттенике, сжав кулачки.

Ничего.

Тишина. Даже ласточки под крышей и те уснули. И лошади дремлют. Лошадей здесь держат взаперти, в каменных коробах, пусть и просторных, но лошадям все одно свобода нужна.

Правда, кому объяснять прописные истины?

И надо ли вообще?

Кто её послушает? Нет, её прежнюю, может, и послушали

бы, а вот теперь... кто она вообще?

Теттенике выбралась из сена. Огляделась. Темно. Пусто. Лошади спят, порой вздыхая. Только драссар все еще держится рядом. Его боятся. И конюхи-то не заглядывают, а выводить так и вовсе не вывели. То ли сегодня так сложилось, то ли вообще... он же заболеть может.

И потому глядит грустно.

От этой грусти в животе узел завязывается. И совестно. Хотя Теттенике ничего дурного не сделала.

Она наоборот почистила вон. И даже воды принесла свежей. А все равно...

– Ты... ты только... – она отступила, но драссар потянулся, ухватив губами за край рубахи. – Мне идти надо... правда, не знаю, куда. Может, в Замок? Может, там хоть кто остался... но хоть кто мне не годится. Тогда что? Куда мне?

Драссар шагнул.

Какой он все-таки огромный. Теттенике у него под брюхом пройти может, только чуть голову наклонивши. И жутко от того. Такой, если наступит, точно не выживешь. А он ведь не добрый.

Лошади... им нельзя верить.

Как и людям.

Драссар с упреком покачал головой.

– Прости, – Теттенике смахнула слезу. – Я... я ведь на самом деле знаю, куда мне надо. Туда, куда все ушли, где... случится страшное. Но я боюсь, понимаешь?

От него пахло хлебом и еще дыхание драссара было горячим.

– Это ведь... это ведь нормально. Бояться мучительной смерти. И просто бояться. Я... я не хочу умирать. Ни там, ни здесь... и даже... если останусь вот этим...

Теплые губы коснулись щеки, утешая. Будто хотели слезу поймать.

– Это все равно жизнь. Какая-никакая, а... я могу стать конюхом. Смешно, да? Я боюсь лошадей. До дури. До ужаса боюсь. И тебя тоже. А в конюхи. Или... или еще чем заняться. Только правда в том, что... если я не пойду, то тоже умру. Просто позже. И... и шансов, что они мир спасут, немного.

Лошади ничего не понимают в спасении миров.

И Теттенике решительно шлепнула драссара по морде.

– Нет у меня тут времени... но... сама я не уйду далеко. А с тобой... с другой стороны, я ведь все равно боюсь! На самом деле боюсь! Это... это не шутка. И вообще несколько не смешно. Но... еще поймать могут. Знаешь, что с конюкрадами делают? Вот то-то и оно... и повесят. И не поверят, если стану кричать, что я дочь кагана.

Конь оскалился, явно демонстрируя, что он думает.

– Вот и как тут...

Он медленно опустился на колени, подставляя спину.

– Умный... брат говорил, что такие как ты умными были. Но это легенда. А легенды на самом деле – одно сплошное вранье. Нет, ты и вправду умный, но пока рано. Надо тихонь-

ко. Стой...

Она выскользнула в узкий проход.

Прислушалась.

Лошади... лошади почуяли кого-то, заволновались, забеспокоились. Нет. Нельзя им. И Теттенике, прикрыв глаза, за-пела. Может, она и утратила свой дар, случается такое, но вот песни не забыла.

Её помнят все, в ком течет золотая кровь солнца и ветра. И даже этот мальчишка, чье тело ей отдали, знал слова. И низкий гортанный голос его вплелся в ночную тишину, успокаивая животных.

Вот так.

И собак тоже.

Собаки кружили по ту сторону ворот. Но за ворота пока рано. Надо найти что-то, чтобы обвязать ноги драссара. Ко-нюшни из камня. И дорога тоже. Если пойдет так, то услышат.

Погоню устроят.

Или еще чего.

Нет, надо осторожно. И к коню Теттенике вернулась с охапкой ветоши.

– Потерпи, пожалуйста, – она дрожащею рукой коснулась могучей ноги, и драссар послушно застыл, позволяя обвя-зывать копыта тряпьем. Получилось не с первого раза. Тряпки расползались. И падали. И вовсе не держались на конских ногах. Но... он был терпелив.

И Теттенике справилась.

Подумала, что можно было бы и сбрую принести, но потом подумала, что обычная на драссара просто не налезет. А стало быть, какой смысл?

– Идем. Только тихонько. Я им еще спою...

Она оперлась на горячий конский бок. И поняла, что уже и совсем не боится. Не драссара. А собаки да, уснули. И человек, который развалился на гряде соломы с той стороны, тоже спал. То ли песнею убаюканный, то ли выпивкой. От него дурно пахло, и драссар даже фыркнул.

Тихонечко.

Они вышли во двор.

И со двора.

На дорогу.

И только там уже Теттенике решилась вскарабкаться на широкую, что лавка, конскую спину.

– К замку, – сказала она. – Нам нужно к Замку. А там... будет видно.

Конь фыркнул и перешел на рысь.

Замок... до замка было далеко. До проклятого города еще дальше. И скорее всего Теттенике опоздает. Но... но это же не значит, что она будет просто сидеть и ждать.

Нет, сидеть и ждать у нее не получится.

Зеркало.

Проклятое зеркало! Я... мне не надо было смотреть. И уж

точно – слушать демоницу, которая явно знала больше меня. Конечно. Времени-то у нее освоиться было куда побольше.

А я...

Дура!

Как есть, дура!

Дура, не способна отвести взгляда от черноты, что разлилась внутри рамы. Там, в этой черноте, проскальзывали искры. И тонули, тонули. И снова вспыхивали. Танец их завораживал. А потом их стало так много, что чернота поблекла. И я увидела корабль.

Даже в зеркале он, крадущийся по неестественно гладкому морю – пусть я там не бывала, но точно знаю, что море не бывает похожим на стекло – казался крохотным. Я видела и округлые борта, какие-то совершенно несерьезные. И палочки-мачты, с которых свисали сети канатов. И людей, что метались по палубе. И... не людей, которые пытались взобраться на корабль.

А еще тьму, что собиралась где-то внизу.

Она закручивалась спиралью, пока медленно, точно зная, что деваться людям и кораблю некуда. И это походило на игру. Вот тонкое щупальце скользнуло, распугивая тварей. И те беззвучно сыпанули в стороны. А щупальце погладило борт, будто примеряясь.

Я... я видела и людей.

Легионеров, что походили на черные статуи. И... и остальных тоже. Вот Ричард хмурится, прислушиваясь... к

чему? К морю? Ко тьме?

Он ведь чувствует.

Он знает эти места лучше, чем кто-либо. И... и должен понимать, насколько тьма опасна. Или... он ведь Повелитель. И умеет управляться. С тьмой. Но та, внизу, она огромна. И следом за первым щупальцем тянется второе... третье... они пока ласкают борта корабля, но мне кажется, что я слышу треск.

– Прекрати! – я стиснула кулаки.

Надо успокоиться.

Во-первых, моя истерика точно никому не поможет. Во-вторых... во-вторых, с чего я вообще взяла, что все это вот происходит на самом деле? Может... может, демоница решила развлечься? Что я вообще знаю о её способностях?

И о зеркалах.

И... и может быть, Ричард спокойно спит. Время-то позднее... именно. Поэтому... поэтому мне надо включить голову. Даже если она включаться не хочет. И губы перестать кусать. С обгрызенными губами я буду так себе невеста.

Вот.

Думать надо о хорошем... о свадьбе, например. О том, как он вернется и...

Корабль качнулся, будто в яму нырнул.

– Убери, – приказала я, шлепнув по зеркалу ладонью. И то послушно погасло. Интересно... так... а... а если... если попробовать... – Так. Покажи мне принцесс.

Зеркало издевательски молчало.

Может, оно не понимает?

Я поднялась. Походила по комнате.

– Покажи мне... Мудрославу Виросскую, – попробуем так. А то вдруг да принцесс по всему городу раскидало, и зеркало просто не знает, с которой начать.

Несколько мгновений ничего не происходило. Потом тьма чуть дрогнула, и поверхность треклятого зеркала пошла мелкой рябью. Как испорченный телевизор. Но сквозь помехи пробился истошный крик. А потом где-то там мелькнула зубастая пасть.

Ага.

– Превратилась, стало быть, – сказала я вслух, разглядывая матерую тварюгу. Драконы... кто сказал, что они прекрасны? Это летающее нечто было огромно, что ощущалось даже через отражение, когтисто, клыкасто и чешуйчато.

В общем, на любителя, так сказать.

Тварь кувыркнулась в воздухе и издала еще один низкий воющий звук. Мать твою... а ведь сложно девушке в личной жизни придется с этакой-то ипостасью.

С другой стороны... жизнь вообще штука тяжелая. И порой дракон очень даже в тему.

– Хорошо, – я почесала рог. Интересно, зеркало надо как-то... подпитывать? Или пока держится и так? – А... а Брунгильда где?

Брунгильда сидела на каком-то обломке, слишком изыс-

канно-белоснежном, чтобы счесть его обыкновенным валуном, и какой-то тряпицей чистила секиру. Губы островитянки двигались, но на сей раз зеркало решила, что я и картинкою обойдусь.

Обошлась.

Хорошо.

Две из пяти живы...

– Летиция Ладхемская?

Тоже на камушек забралась. Хотя... кажется, это остатки древней скамьи. Резной. С виноградом вон даже, пусть и потрескавшемся. Забралась она на скамью с ногами. С босыми, что характерно, и теперь пыталась закутать бледные ступни в обрывки ткани.

Ничего не понимаю. Но выглядит она живой.

– Ариция?

Зеркало снова мигнуло. Кажется, я начинаю ценить такую замечательную вещь.

Ариция... была. Где-то. Не понять, где именно, потому что там было сумрачно и, кажется, немного пыльно. Ладхемская принцесса кралась, явно настороженно вслушиваясь в то, что происходит вокруг. Она то и дело останавливалась, замирала, напряженная и готовая то ли бежать, то ли драться.

Но живая.

Хорошо.

Осталось... нет, я не буду смотреть на море. И на корабль.

И на тьму. Я... я просто буду верить, что он справится.

– Теттенике, – выдохнула я. – Покажи мне Теттенике.

Зеркало потемнело как раз в тот момент, когда ладхемская принцесса потянула на себя что-то... в общем, что-то большое и грязное.

Несколько мгновений ничего не происходило. И я просто любовалась собственным отражением. Потом появился замок. Далекый. Скорее даже силуэт замка, хотя и вполне узнаваемый.

– Что за...

Дорога.

И огромный конь, который нес на спине чумазого и совершенно точно незнакомого мне мальчишку. Так... спокойно. Если зеркало показывает, то... то или оно сломалось, или что-то произошло.

Я погладила раму.

Сломалось оно вряд ли. Шанс есть, конечно, но вот что-то мне думается, дело не в поломке. Если вместо Мудрославы мне показали дракона и я не удивилась, то почему удивляюсь сейчас?

Этот конь, я ведь видела его. Такого не забудешь и не спутаешь с другим конем.

И мальчишка...

Кто из них Теттенике?

Выясним.

– Спасибо, – сказала я зеркалу. И все-таки удержалась.

Пока удержалась.

Я встала.

Оглядела комнату. И тихонько вышла. Конь, человек... на месте разберемся.

Глава 10

Где тьма встречает тьму

«В море том множество обретается созданий преудивительных, редкости превеликой. Но паче прочих, коих я имел честь приобрести для коллекции музейной, поразил меня череп существа, про которого местные дикари говорили, что сие есть – змей морской, дитя самого бога моря. Мне же представляется сей зверь реликтом, что чудом, не иначе, дошло до дней наших. Сам череп огромен, семь человек способны встать в разверзнутой пасти его. Зубы оного змея длиной с руку взрослого мужчины. Кость же была белой, словно каменной. Я желал выкупить сию диковинку, однако и вождь племени, и шаман воспротивились, полагая череп и даром моря, и защитой от него»

«Повествование о дальних землях и существах, на них обретающихся», писанное магом Силезиусом Великолепным

– Это ведь не нормально? – поинтересовался Светозарный, глядя, как медленно, неспешно поднимается над бортом вода. Тонкою струйкой, нитью даже, вокруг которой собирались крохотные капли. Они блестели, что жемчужины. И сама эта водяная нить тоже казалась драгоценною.

– Абсолютно не нормально, – Ричард наблюдал, как нить тянется.

Выше.

И еще выше.

– Соглашусь, – Лассар тоже смотрел. – Вода не должна течь вверх. Это, в конце концов, противоестественно.

А водные твари отступили. И это тоже внушало определенные опасения. Их то ли вой, то ли свист доносился откуда-то издалека. И Ричарду в нем чудился страх.

Не перед кораблем.

Не перед Легионерами.

– Плаваю я хреново, – заметил массивный рыцарь, который стоял, опираясь на чудовищных размеров меч.

– Я неплохо, – отозвался степняк, щуря узкие глаза. – Но что-то подсказывает, что это ничего не значит.

Еще нить.

И снова.

Корабль вдруг замер. А потом нырнул в невидимую яму, ударившись о дно её. И судно затрещало, а люди покатались. Палуба ушла из-под ног.

Протяжный хруст предупредил, что все не просто плохо.

Все очень плохо.

И надо было сушей...

Додумать не успел. Первая из нитей разлетелась с тонким нервным звоном, обрушивая на корабль сонмы капель. И те, вспыхнув, словно звезды, устремились на людей. Кто-то закричал, протяжно и тонко.

Кто-то выругался.

Молча взметнулись щиты легионеров. Но как можно остановить звезду?

Никак, только...

Ричард с трудом, но поднялся. И сказал:

– Глаза закройте.

Его тьма выплеснулась наружу, навстречу обжигающему, рожденному водяными глубинами, свету. Он не знал, как подобное вообще возможно. Но вот... возможно, выходит.

И звезды увязли.

Они обжигали.

Они взрывались, разрывая тьму искрами. А та спешила зарастить раны, и обиженная, живая, тянулась к Ричарду. Надо держатся. Что бы это ни было, если убрать щит, то полягут люди.

– Огонь! – голос рыцаря прорвался сквозь тишину. – Тушите пожар, мать вашу...

Дальше заговорил попугай.

От души.

И стало легче. Только звезды... нить за нитью они поднимались из глубин... не только они. Тьма там тоже была. Давно. Спала. Предвечная. Мудрая. И отозвалась Ричарду легко. Стоило потянуться к ней, и она сама хлынула навстречу.

– Что за...

– Меч убери, придурок. Не мешай своим благословением...

Ксандр.

И рядом. Держится. Держит. Он тоже слышит, что свет, что тьму. Лица не разглядеть. И оборачиваться нельзя. Ничего нельзя, лишь щит держать.

– Вперед...

– Да ни хренища не видать!

– Не важно, главное, что вперед...

Кто это?

Тьма тревожится. Тьма боится людей не меньше, чем люди боятся её. Она знает, что люди бывают жестоки, особенно, когда у них в руках огонь и сталь.

Ричард не позволит обидеть.

– Да мы на скалы сядем и тогда...

Тьма послушно растекается вокруг корабля. И отступает, позволив выжить звезде. Не той, что рождена морем. Иной. Эта появилась на свет там, где и положено звездам – в небесной вышине. И когда-то она, яркая, ярче прочих, венчала Корону.

Старое созвездие.

Моряки его знают. И корабль, издав еще один протяжный стон, заскользил по волнам. Если повезет, то... они доберутся до берега. Если повезет.

– Убирай, – рядом с Ксандром встал Лассар. – Убирай её, дитя проклятого мира...

Это он о ком?

– Мы уже в безопасности.

Ложь. Но Ричард позволил тьме отступить. И та, окутав

корабль мягким облаком, – тот был слишком поврежден, чтобы просто его бросить – впиталась в борта. А Ричард покачнулся. Но устоял.

– Что это было? – поинтересовался Светозарный, щурясь.

– Понятия не имею, – Ричард коснулся лица. Почему-то кожу жгло. И на пальцах кровь осталась. Это... это плохо. Особенно, если кровь – черная.

Он сглотнул.

И подавил совершенно непристойное желание – завизжать. Или потребовать, чтобы его спасли. Тьма... тьма ощущалась. Близкая. Родная. И в то же время – опасная. Она все еще была здесь, руку протяни.

И Ричард протянул, чтобы коснуться её, такой... теплой? Холодной.

Кто-то плачет. Громко и навзрыд. А где-то в небесах одиноким фонарем висит звезда. И Ричард смотрит. Он... он слышит людей вокруг. И мат то ли старого пирата, то ли его попугая, главное, душевный, побуждающий.

Он чувствует движение корабля, который не столько идет, сколько крадется по гладким водам. И бездну тоже чувствует, ту самую, где прячутся чудовища.

– Тише, – он шепчет.

Кому?

И наверное, это забрало бы остатки сил. И наверное, он бы упал на грязную палубу, но его удержали. Поддержали.

– Может... помочь ему как?

Степняк. Сейчас, в этом странном состоянии, в котором пребывает Ричард, люди выглядят другими. И от степняка пахнет жарким летним ветром. Зноем. Камнем. Землей. Лошадьми. Он кажется сплетенным из этих запахов.

Наверное, стоит удивиться.

Не выходит.

– Как? – это Светозарный. И внутри него действительно огонь горит. Белый-белый. Яркий. Как лампа... старая лампа.

Такая была в хижине.

В какой? Память. Так и не вернулась окончательно. Но здесь и сейчас Тьма милосердная подарила Ричарду осколок. И он не стал отказываться.

Старая хижина.

Она спряталась в узкой расщелине, что раскрывалась такой же узкой тесной пещерой. Вот в пещере и стоял топчан. А у стены приткнулась печь. Или это не печь? Сооружение из камней и серой глины. Печь дымила, отчего на глаза наворачивались слезы. И Ричард плакал. Там, в полутьме, слез не было видно. И неживой уходил.

Он точно знал, когда надо уйти.

А Ричард смотрел. На огонь вот. Или на угли. Рыжие. На белое пламя под колпаком старой лампы. Почему оно было таким белым?

– Давай, давай... он долго не удержит...

– Кровью?

– Только крови нам тут не хватало... он же не тварь какая, а человек.

– Не похоже. Глаза вон... светятся.

Слова проходят сквозь Ричарда, почти не задевая. Только тьма вздыхает горестно-горестно. Ей всех жаль. И людей. И чудовищ. Она, если подумать, вовсе не делает разницы.

Да и есть ли та разница?

Главное, корабль идет.

К берегу.

И тьма, повинуясь желанию Ричарда, а она рада ему, безумно рада, потому что и тьме надоедает одиночество, осторожно приподнимает корабль. И тот, роняя сквозь черный туман капли воды – Ричард слышит, как со звоном разбиваются они – ползет по-над хищными пастями скал.

Так.

И... и дальше. Туда, где сияет северная звезда.

Держать... силы ушли. И вернулись. Тьма сама делится. Если Ричард готов принять. А он принимает. Он знает, что нельзя впускать тьму в себя, что это опасно, что она никогда-то не оставит то, чего коснулась единожды. И это значит, что он обречен.

Жаль.

Себя. И тьму тоже. Она ведь не специально. Она... она устала. Да. Корабль содрогнулся и Ричард мысленно проклял себя. Нельзя отвлекаться. О том, что он обречен, он подумает позже. А пока... пока надо держать. Тьму. И корабль.

Проход.

– Давай... почти уже... вон, видишь?

– Хрень какая-то...

– Да не хрень, а остатки старого порта...

– А что за...

– Статуи!

– На кой ляд в порту статуи?

Ричард тоже хотел бы знать. И тьма готова ответить. Она знает, если не все, то очень многое. И помнит. Она с памятью обращается куда бережнее Ричарда. И пожелай тот... он не желает.

Пещера.

И топчан. Шкура медведя на полу. И на стене – еще одна. Здесь много шкур и от них пахнет.

– Ты как, малыш? – рука у неживого ледяная. – Меня узнал? Нет? Ничего. На вот. Поешь. Тебе полезно. Ложечку...

Густое тягучее варево. И кислый хлеб. Где Ксандр его брал? Так ли важно. Главное, что он заставлял Ричарда пить это варево. Или скорее просто не позволял забыть о еде.

– Вот так, жуй... потихоньку. Ничего. Все как-нибудь... не замерз тут? На вот, накройся. На меня не смотри. Я уже мертвый. Мертвым холод не страшен.

– А что... – собственный голос похож на шелест. – Что страшно?

– Безумие, – неживой смотрит с кривоватой усмешкой. –

И живые. Впрочем... не только мертвым надо этого бояться.

Знал ли он?

Знал, знал... тьма вдруг поняла, что скоро придется расстаться. И заволновалась.

– Я вернусь, – пообещал Ричард. И тьма вздохнула. А потом корабль заскрежетал. И звук получился на редкость мерзким. От него Ричард и вздрогнул. И скривился.

И пришел в себя.

Кровь по прежнему текла. Из носа. На палубу. Кап-кап... неужели никто не слышит? Или этого звука не существует? Или он существует, но исключительно в воображении Ричарда? Как понять?

Надо ли?

Он зажал нос пальцами.

Кап...

Отца злило это.

Нет, не это... он тоже что-то знал. И наврал. Там, в дневнике. Снова. Все лгут, выходит... интересно, хоть кто-нибудь...

Демоница.

– Живой? – его развернули и встряхнули. – Ну-ка, что видишь?

– Фигу, – просипел Ричард, окончательно приходя в себя. Голова слегка побаливала. А кровь... да, кровь текла. Черная. Или это потому как луна белая? А в лунном свете все кажется не таким, какое оно на самом деле. Именно.

– Вот, значит, все в порядке, – Лассар ободряюще похлопал по плечу. И только Светозарный, свет которого теперь спрятался, помог Ричарду устоять на ногах. – Ты погляди, какая красота-то!

И будь живым, вдохнул бы полной грудью.

– Знаете, – заметил Артан с легким упреком. – Лично у меня другие представления о прекрасном.

– Да что ты понимаешь, – отмахнулся Командор. – Ты просто не видел, каким оно было...

Не видел.

И Ричард не видел.

А тьма... тьма видела. И потому отползала, освобождая черную-черную воду. Зыбкою тропинкой протянулась нить лунного света. Она легла, скользнув меж черных скал и остатков статуй, что выглядывали из воды. Огромные головы их белые казались почти живыми. И Ричард не мог отделаться от ощущения, что эти вот мужчины, и женщины, одинаково прекрасные и величественные, сейчас возьмут и оживут.

Осколками зубов выглядывали колонны.

Высилась белым треугольником крыша какого-то здания, некогда украшенная статуей, но теперь от той остались лишь уродливые обломки.

Главное, тихо.

Слишком уж тихо.

Отстал водяной народ, не рискуя коснуться тьмы. Даже

они боятся, а люди вот... Ричард шмыгнул носом и потрогал переносицу. Кажется, кровь остановилась.

Хорошо.

В таком месте не стоит дразнить.

– Сейчас попробуем подойти от туда, – дэр Гроббе оглядывался. На лице его застыла маска абсолютной сосредоточенности. – Надо ближе к берегу бы... тут хрен знает, что может быть.

И словно отзываясь на слова, в черной толще воды мелькнула черная же тень.

– Не нравится мне здесь...

– Когда-то давно отсюда приходило солнце, – Лассар смотрел на город. Но... видел ли? А если и видел, то что? Мертвые развалины, страшные в своей пустоте? Или великий древний город, который готовится возродиться?

Вот уж не было печали.

– Гот-вь...

Донеслось откуда-то с кормы.

– Кошками зацепимся, – пояснил дэр Гроббе. – Паруса тут не поставишь, да и вовсе... «Магда» – кораблик хороший, да не для таких мест.

Он огляделся и в глазах мелькнуло что-то этакое.

Как тень на воде.

Правда, сколько Ричард в воду не вглядывался, больше ничего не увидел.

Заскрежетали лебедки. И массивный шлюп пополз вверх.

От мысли, что придется с одного кораблика пересаживаться в другой, еще более ненадежный с виду, подурнело. Вот шлюп коснулся воды. Раздался тихий всплеск... и снова тишина.

Тьма любезно держится в стороне.

Она гладит влажные гривы рифов, она укрывает воду. И немного – небо. Она расплзается рыхлыми пустыми облаками, сквозь которые угадываются остатки древних то ли статуй, то ли домов.

– А доспехи лучше снять, – заметил дэр Гроббе. – Раза за три перевезем, коль боги...

Тень снова поднялась, и теперь тварь не спешила, позволяя увидеть себя. Длинное змеиное тело пробило водную гладь и, словно играясь, коснулось борта. Раздался тихий шелест.

И всхлип.

– Интересно, – промолвил брат Янош, оглаживая доспех. – Оно хищное? Или как?

– Тут все хищное...

– Морской змей, – Ксандр проводил существо взглядом. – Правда, мелкий еще...

– Мелкий?

– Мелкий, – Лассар даже перегнулся и свистнул. – Они еще когда появились... берегли корабли. Да и в целом... Империя была, пусть и велика, могуча, но все же враги имелись. И на море в том числе. Те же пираты. Вроде и шваль...

Дэр Гроббе явно надулся. Обижен?

– ...на утлых лодчонках, но тоже порой умудрялись доставить неприятности. Вот и вывели змеев. С пиратами они справлялись отменно.

Из воды показалось серебряное кольцо толщиной... да с колонну будет, если не больше.

– Так они домашние? – а вот Светозарный глядел на змея едва ли не с восторгом.

– Были. А теперь вот одичали...

– А питаются чем? – уточнил брат Янош, явно будучи человеком более приземленным.

– В основном рыбой. Раньше. Ну и пиратами... тоже мясо.

Дэр Гроббе крякнул.

– Лодку он как...

– Расшибет, – меланхолично отозвался Лассар. – А потом в воде всех и половит.

– И... что делать?

Все задумались. А змей, описав круг, высунул голову. Та была узкой и совершенно не рыбьей. И не змеиной. Длинный с горбинкою нос, узкие ноздри, что раскрывались и закрывались. Выпуклые глаза. И грива тончайших перьев, которые вяло шевелились.

Не перья.

Жабры.

Точно. Ричард видел рисунок. Давно. И еще мечтал, что однажды встретит змея. Вот и исполнилась мечта... мечта

фыркнула и, приоткрыв пасть, в которой блеснули тонкие острые зубы, издала скрипучий звук.

– Своих зовет, небось...

– Лодка отменяется, – дэр Гроббе отер руки. – Пойдем на берег... и боги с нами. Корабля жаль...

На звук ответили. Только на сей раз скрежет раздался с другой стороны. Ногтем по нервам.

– Вперед, мать вашу! – заорал попугай и крыльями хлопнул. – Не посрамим...

И содрогнувшись всем телом, заскрежетав прежалобно, корабль повернул к берегу. Или к тому, что могло условно считаться берегом. А слева черную гладь воды вспорола змеиная спина.

– Этот покрупнее будет, – заметил Лассар. – Признаться, думал, что они вымерли.

– Это мы тут сейчас вымерем, – ворчание дэра Гроббе вдохновляло, правда не понять, то ли на подвиг, то ли на подловатое желание спрятаться от этого самого подвига. – Если дальше будем языками чесать.

– Мать, мать, мать... – поддержал попугай и, встрепенувшись, добавил. – Акулу тебе в...

Глава 11

Где принцессы пересчитывают друг друга

«И увидел тогда странствующий рыцарь стену из колючего шиповника. Плотные ветви переплелись друг с другом, выставив длинные шипы. Среди них виднелись цветы – алые и белые. И белые были белы, а алые – окрашены кровью малых птишек, что пытались свить в стене сей гнезда. Тогда-то и понял рыцарь, что не простая эта стена, но зачарованная. И воздел он к небесам меч свой, и взмолился».

Сказ о подвигах странствующего рыцаря и спящей ведьме.

Мудрослава осматривалась. Чувствовала она себя... да странно, честно говоря, чувствовала. Следовало бы в слезы удариться или там в панику. Это же нормально, паниковать, когда на тебя ведьма нападает, а потом в зеркало утаскивает.

И оказываешься ты не где-нибудь, а в месте, некогда виденном.

Нехорошем таком месте.

Главное, с полным осознанием, что выбраться будет непросто. Если вообще получится. Только почему-то не было ни страха, ни слез, которые пришлось бы сдерживать, но

лишь одно любопытство.

И не только у нее.

Яр вон весь извелся. Сидит, шею тянет, головой крутит, кончик косы в рот засунул и грызет.

– Она у тебя вообще нормальная? – шепотом поинтересовалась Летиция Ладхемская, разглядывая грязные ноги. Шелковый чулок на левой съехал, а на правой – порвался, причем на колене. И из дыры выглядывало это самое колено, которое, если подумать, мало чем отличалось от собственного, Мудрославы.

– Местами, – честно ответила Слава. – Это просто... удивление.

– А... – Летиция вздохнула и юбку одернула.

Огляделась.

А чего глядеть? Двор. Похожий на тот, в котором Мудрослава уже была, пусть даже в драконьем обличье. Может быть даже тот же самый. Вон, кусок какой-то стены висится.

Но пахнет от воды иначе.

И вообще... драконом смотреть – одно, человеком – другое.

– Куда она подевалась? – Брунгильда уже трижды обошла двор по кругу. И на улицу высовывалась. И даже кричать пробовала, но почему-то на крик откликнулись где-то там, в сплетениях улиц, не голосом, но жутковатым воем.

– Ушла, – спокойно ответила Летиция, снимая тряпки. Ноги под ними оказались грязными.

– Чушь.

– Нет. Если подумать, это все объясняет.

– Что объясняет? – секира уперлась древком в землю. А Брунгильда нависла. Рядом с хрупкою ладхемкой она казалась совсем уж огромной.

– Она была. С нами. У ворот. Так?

– Так.

– Потом мы решили идти. И шли. Так?

– Да.

– Вместе?

– Я тебе сейчас затрещину отвешу.

– Знаешь, тебе стоит поработать над манерами, – Летиция пошевелила пальчиками. А Мудрослава вздохнула. Вот только поругаться им еще осталось.

– Мы шли вместе, – Мудрослава старалась говорить спокойно. – Не бежали. Напротив, у Летиции ноги...

– Неужели, – не удержалась островитянка. – Как удивительно!

Летиция слегка покраснела.

– Я имею в виду, что отстать при всем желании было бы сложно, – примирительно продолжила Мудрослава. – Мы то и дело останавливались. Оглядывались. На нас никто не напал... стало быть, она просто ушла.

– Или попала в ловушку.

– Мы бы заметили, – впрочем, Летиция сказала это несколько неуверенно. И почесала кончик носа. – Если бы

она была мертвой, я бы точно сказала от чего она умерла, но...

– погоди, – Брунгильда уставилась на секиру. – А есть вещи? Её? Какие-нибудь? Просто... не совсем может и выйти, но...

Летиция задумалась, но покачала головой.

– Нет. Извини.

За что тут извиняться.

– И у меня, – вынуждена была признать Мудрослава. – И вообще...

– Надо возвращаться, – Брунгильда решительно забросила секиру на плечо. – Если с ней что-то случилось, то... нехорошо бросать.

И это было правдой.

Нехорошо.

– погоди... – Ариция упала на грязную траву. Если эти бурые стебли можно назвать травой. – Во-первых, дело к вечеру, а стало быть, бродить по улицам – это не самое разумное.

И она тоже была права.

– Наоборот, нам бы в дом заглянуть.

Летицию передернуло.

– Там умерли, – сказала она. – Тут... везде умерли. Умирали. И...

– И мы тоже умрем, – Ариция отрезала жестко. – Если будем торчать тут. Я не знаю, что вообще здесь водится, но...

но вот что-то подсказывает, что будет оно голодным. А Слава до дракона так и не дозвалась.

Мудрослава почувствовала, что краснеет.

– Я пыталась! – сказала она. – И один раз даже получилась!

Ненадолго.

Только и хватило, что глянуть на кипящую зелень леса где-то там, внизу, поймать ветер крыльями и... снова оказаться на земле.

– Верю. Не в тебе дело. Дар – штука нестабильная. Главное, что если мы сейчас пойдем искать Теттенике, – имя степнячки Ариция произнесла с нескрываемым раздражением. – То, может статься, и сами потеряемся. Нам от этого легче не станет. И ей, что характерно, тоже. Нам надо заглянуть в дом.

– В этот?

– Можно и в этот. Не важно. Тот, который поцелее. Поискать там... не знаю. Одежду какую-нибудь, а то это... – она подняла подол платья, некогда роскошного, но теперь похожего на большую тряпку. – Скоро развалится. И вообще неудобно в платье.

И Мудрослава подумала, что ладхемка-то права.

– А...

– В доме мы найдем комнату. Чтобы без окон. И дверь покрепче. Чтобы запереть её на ночь. И там уже ты попробуешь опять позвать дракона. Или кого-нибудь еще? Тут ведь

будет... кто-то. Кто-то, кто умеет... знает... в общем, тварь какую-нибудь. А она уже пусть ищет след степнячки.

– Это долго, – возразила Брунгильда, впрочем, на дом, развалины которого начинались по ту сторону пруда, поглядела задумчиво.

– Думаете, самим будет сильно быстрее? – возразила Мудрослава. – Во-первых, лично я дорогу не найду. Тут все такое... такое похожее!

Прозвучало на диво беспомощно.

– Во-вторых, даже если найдем, то... вряд ли она сидит и ждет нас. И следы. Кто умеет читать следы?

– Я, – Брунгильда закинула секиру на плечо. – Я пойду и найду.

– Одна?!

– Погодите, – Летиция все же поднялась, не сдержав стона. – Я ноги совсем... сбила. Одной нельзя. У тебя, конечно, секира, но много ли она поможет, если вдруг дракон или еще какая нежить? Они правы. И... и можно попробовать не с живыми. То есть... Ари, мертвая собака, она ведь будет как живая?

– Да как тебе сказать... – вторая ладхемка ненадолго задумалась. – Но попробовать можно. Они и вправду сохраняют свойства, только любой собаке запах нужен.

– Вот, – Яр протянул свитый косицей платок. – Если, конечно, хватит, а то давно ношу... ну, так получилось.

И плечами пожал. Мол, не виноватая я.

– Подойдет, – решительно сказала Ариция и потеряла руки. Потом осмотрелась так, с прищуром... сразу стало как-то не по себе.

– Может, все-таки сперва в дом? – Мудрославе было стыдно признаться, но грядущее появление мертвой собаки её пугало.

И вообще некромантия.

Но руки принцессы взлетели. Бледные. Тонкие. И широкие рукава, съехавшие к самым локтям, лишь подчеркивали эту кажущуюся хрупкость ладхемки.

Ничего не произошло.

Земля не содрогнулась. Небо осталось тем же, мутноватым, синим, уже отравленным грядущей ночью. Ни грома, ни молний... с другой стороны у Мудрославы тоже вот так, без грома, молний и прочих небесных знамений.

К счастью.

– Собак тут нет, – с закрытыми глазами произнесла Ариция. – Люди есть. В доме. И еще чувствую, что здесь... закопаны. Злые. Нет, эти пусть лежат. Лежать, я сказала! А вот...

Бурая земля пошла трещиной, выпуская создание... ну, скажем так, кости Мудрослава видать случилось. И готовилась она морально. Насколько возможно такое. А потому и не завизжала, когда из земли показался череп.

Череп себе и череп. Желтенький. С бурым. В глазницах земля. Зато зубы блестят.

Здоровущие какие.

– Ух ты! – восхитился братец. – Кто это?

– Понятия не имею, – не открывая глаз, сказала ладхемка.

А у Мудрославы появилось желание топнуть ногой и сказать, что не время сейчас для всяких там представлений.

Череп повернулся влево.

И вправо.

Он сидел на нити белесых позвонков, которые переходили в гибкий хребет. От него раскрывались полудужья ребер. А уж к ребрам крепились лопатки, лапы... в общем, скелет был.

И жил.

И даже рыкнул так, удивленно.

Плюхнулся на зад и уставился на собственную лапу, украшенную длинными изогнутыми когтями. А потом и вовсе ткнулся в эту лапу мордой.

– Котик! – всплеснула руками Летиция. – Я всегда хотела котика завести!

– Не разрешили?

– Ай... то шерсть на платьях, то у папиной фаворитки от котов сопли, то у матушки нервы... – отмахнулась Летиция. – И никаких тебе котиков. Даже живых...

Котик, как прикинула Мудрослава, некогда имел размеры весьма немаленькие. Он, если подумать, побольше рыси будет.

– Ну так... у этого шерсти нету, – Яр глядел на котика... нехорошо так. Жадно. Словно примеряя, как тот в собствен-

ных Яра покаях глядеться станет.

Бояр удар хватит.

Хотя... их и так хватит, когда Ярова авантюра на свет божий выползет. Правда, есть все шансы до того светлого момента не дожить.

Котик все-таки поднялся.

И поглядел... в черных глазницах вспыхнули огоньки. А потом... потом земля потянулась к костям, оплетая их тонкими нитями. И нитей становилось больше, больше... они сливались одна с другою, создавая тело зверя.

Скрылись кости.

Обросли земляным мясом. А поверх легла шкура, бурая, с подпалинами и торчащими травинками.

– Вот так оно лучше, – сказала Ариция с чувством глубокой удовлетворенности.

– Д-думаешь?

Котик теперь... котиком и остался. Зверем. Точно поболее рыси будет. И пошире. Могучая грудь и тяжелые лапы. Задние чуть больше передних, отчего тело кажется наклоненным вперед. Длинная шея с куцей гривой. И массивная голова.

Лоб выпуклый.

Глаза чуть раскосые, как у степнячки. А влажный нос подрагивает. И... и у мертвых кошек, кем бы они там ни были, не может быть влажных носов.

– Хороший, – Ариция безбоязненно протянула руку. И

зверь сделал шаг. Ступал он мягко, но как-то так, что было видно – ему непривычно вновь быть живым. – Знаете... а здесь это много легче, чем там. То есть силы... столько сил у меня никогда не было.

Услышанное Мудрославу нисколько не обрадовало.

Вот только могучего некроманта им и не хватало для общего счастья.

Но зверь ткнулся лбом в ладонь и заурчал, громко, а еще обыкновенно, будто говоря, что времена временами, некрмантия некрмантией, а котики – они котики и есть.

– Хороший... совсем как живой получился. Давай свой платок.

– Ты... уверена? – поинтересовалась Мудрослава. Сама-то она уверена не была ни в чем. Вот... вот если со степнячкой беда, то... то такой котик, клыки которого из-под губы выглядывают, скорее дождет, чем поможет.

– Нет. Но вариантов, согласишься, немного, – Ариция взяла платок и, насупившись, уставилась на кота. А тот на неё. – Иди. Найди. И... и посмотришь, что с нею. Ладно?

– Посмотрит? – уточнила Брунгильда.

– Пусть посмотрит. Не приближайся. И будет лучше, если она вовсе тебя не заметит.

– Ари!

– Что? Мне одной это исчезновение подозрительным кажется? А еще... не знаю, как у вас, но у меня эта тварь чернокнижная лицо украла.

Тут Мудрослава не очень поняла.

– Когда я... в общем, она стала мной...

– А я встретила тебя, – поддержала Брунгильда, глядя на котика презадумчиво. – Но я поняла, что это не ты...

– Повезло. Хотя... какая разница, если мы здесь. Главное, что ни в чем нельзя быть уверенным.

Зверь потоптался, повернулся кругом и, коротко рыкнув, исчез в проломе.

– Знаете, – Ариция прикрыла глаза. – А ведь я его продолжаю чувствовать... хотя я всегда их чувствовала. Своих созданий, но как-то сейчас четче, что ли?

– Думаешь, найдет? – Брунгильда произнесла это с сомнением.

А Яр подскочил и поинтересовался:

– А еще одного сделать можешь?

– Зачем?

– Не знаю... дракона нет, так пусть хоть котик будет!

Мудрослава ткнула в бок кулаком.

Предатель!

Она тут... а этот на ладхемку глядит! И ладно бы... вот старшая, если приглядеться, вполне себе приличная девица. Скромная. Тихая. Даром, что некромант-смертоглядец. А он на эту... с котиком. Того и гляди глазки строить начнет.

Государь называется.

Никакого понимания.

– Что? – удивился Яр, бок потирая. – Тут же ж это...

небезопасно. Сама говоришь. А с котиком таким как-то даже спокойнее.

– А ведь и вправду, – Брунгильда перекинула секиру на второе плечо.

– Я попробую, – Ариция, кажется, несколько смутилась. И потому поспешно добавила. – Но я не уверена, кто вылезет... это же всегда так! Зовешь одного, а вылезит... не пойми что.

И ведь как в воду глядела.

Когда земля заколыхалась, пошла складками, что старая жесткая ткань, Мудрослава еще подумать успела, что идея-то была не самую разумной. И не только она. Но вот из трещины, что обрушила остатки стены, выглянула узкая костистая морда.

Дракон.

Мать его, дракон...

Правда, судя по скелету, маленький. Но почему-то это не успокаивало.

Глава 12

В которой происходит встреча, но не сказать, чтобы судьбоносная

«Если размышлять отвлеченно, то нельзя со всею определенностью заявить, будто бы некромантия – суть искусство богопротивное. Ведь нигде-то в свитках Светлого Пути, коши Храм полагает определяющими истину, нет ни слова о запрете некромантии. Более того, отдельные моменты могут быть истолкованы весьма двояко. И возникает закономерный вопрос. Не потому ли оригиналы свитков и объявлены святыней неприкосновенной, владеть которой имеет право лишь Храм, а остальным приходится довольствоваться списками, причем сделанными монахами Храма в виде том, который Храм одобряет. Более того, сравнение более древних списков, ныне признанных ложными, с современными выявляет совершенно удивительные вещи: многие моменты исправлены, а некоторые вовсе исчезли и из свитков, и из памяти людской...»

«Взгляд на историю религии и некоторые размышления о сути силы» магистра Визериуса, объявленного отступником и по этой причине вынужденного переехать из Баххары в Ладхем.

Что сказать... я вышла во двор. Потом со двора на до-

рогу, благо, никто не пытался остановить. Замок усиленно притворялся обыкновенным сооружением. Легионеры молча следовали по пятам. А люди и вовсе исчезли.

Пускай.

Я запахнула шаль, пытаюсь унять непонятную дрожь. Я ведь... я ведь правильное решение приняла, оставшись. Разумное.

Поступать нужно разумно.

А я... ни плавать не умею, ни драться. И получается, что буду тем самым грузом, который задержит всех. Если не хуже.

Но почему на душе кошки разыгрались.

Скребут и скребут.

Скребут...

Ночь была светла и тиха, должно быть, чтобы кошкам драть душу в клочья удобнее было. Кособокая луна висела над горами. Свет её ложился на дорогу, и потому коня я увидела издали.

Шел он неспешно. Так показалось. Потом-то я поняла, что эта неспешность – не более, чем иллюзия. Ну и что. И стояла.

Ждала.

А когда конь остановился, со спины его скатилось... скатился... в общем, не знаю, какого оно полу, но лохматое, грязное и злое.

– Ты? – спросило меня это существо, рукавом нос вытирая. Рукав был драный, нос – сопливый.

– Я, – сказала я. – А ты изменилась.

– Я... я... – оно хлопнуло ресницами и разревелось. Громко так. С подвываниями даже.

Ну вот и дальше-то что?

Утешать? Обнимать? Не хочется. Да и не умею я.

– Сопли подбери, – сказала я строго. – И рассказывай.

Она и рассказала.

Или он?

Сбивчиво. Путано. Порой размахивая руками, но тут же спохватываясь. А за спиной этого... этой... в общем, темною горой возвышался конь. И в голове моей дурноватой мелькнула мысль, что как же Ричард на подвиг пошел да без коня.

Без коня подвиги совершать никак невозможно.

– И что делать-то будем? – сказала я вслух, испытывая огромное желание – взять и переложить все проблемы на чьи-нибудь плечи. Чтоб, желательно, помогучее.

И понадежнее.

Но за спиной только Легионеры, спящий замок и люди, которым некуда идти.

А я где-то посередине всего этого бедлама с беспокойной душой и полным непониманием ситуации.

– Не знаю, – шмыгнула носом принцесса степей, более похожая на мелкого оборванца. А ведь главное, что у меня и сомнений нет, что это Теттенике.

И не в зеркале дело.

Просто... я вижу.

Ощущаю?

Не пойму, как назвать. Но это точно она.

– Там старик был, – она опять нос вытерла.

– Сопли?

– Да... где-то простыл. И... и я свое тело хочу! Я... вот доберусь до этой твари и... – она кулачки стиснула, а черные глаза нехорошо блеснули. – Старик сказал, что раньше дорога была. Короткая. Тайная.

Такая, о которой знает старик в городе, но не знает Ричард? Будь тут дорога, он бы не стал рисковать и идти морем. И каковы шансы её найти?

То-то и оно.

– Ясно... – я подумала, что опять же, самое разумное – забрать эту... этого... в общем, оборванца в Замок. Отмыть. Накормить. И отговорить от подвига. – Идем, тебе одеться надо.

– И тебе, – сказала Теттенике, снова шмыгая носом.

Потом выругалась.

И еще раз.

– Что? Иногда с людьми бывает, – проворчала она. – Но в юбке неудобно верхом.

– Я не собираюсь никуда ехать! И... и вообще! Мы их просто не догоним. Да к тому же... ты и я... и вот они еще, – я ткнула в легионеров, что не собирались вмешиваться и вообще притворялись, будто их тут нет. – Этого же мало. Там ведь всякое встречается...

Вспомнилась книга, которую мне случилось полистать.

А еще слово, Ричарду данное.

Он ведь...

Зеркало.

Зеркало, которое способно показать многое. Демон по ту его сторону. Стоит ли верить демону?

– Идем, – решительно сказала я. – Только с лошадю чего делать?

В лошадях я понимаю лишь, что они огромные, живые и нуждаются в уходе.

– На конюшню отведу. И растереть надо. А еще накормить. Он, бедный, совсем застоялся...

– Ты, – я обернулась и решительно ткнула пальцем в ближайшего Легионера. – Слышал?

Зеркало.

Зеркало никуда не исчезло. А ведь с него стало бы. Но нет. Висит. Или стоит? Главное, что есть оно, темное, наглое, отражающее меня и...

– Это я, – Теттенике коснулась щеки. Здесь, рядом со мной, стоял смуглокожий оборванец. А в зеркале отражалась прекрасная дева.

От такого несоответствия я слегка нервничала. Особенно в свете того, что я в зеркале вообще не отражалась, а это, помнится, не самая хорошая примета.

– Ты...

– Оно... волшебное?

– Еще какое, – мрачно сказала я. И потребовала. – Покажи тайную дорогу.

Зеркало просьбу проигнорировало.

Так... спокойно. Это все нервы и... и я ведь хочу увидеть Ричарда. На самом деле. И понять, что с ним все в порядке, что...

Чернота расплзлась столь стремительно, будто с той стороны кто-то сдернул полог.

– Это...

Город.

Белые строения, дымкою подернуты. Статуя... странная какая-то. Дома кажутся игрушечными, но это потому что статуя огромная. Она наполовину затоплена, и из воды выступают лишь плечи и голова. Причем не понять, мужчина это или женщина.

– Они... они там? – шепотом спросила Теттенике и за руку меня схватила.

– Там...

На корабле.

Он вовсе выглядел крошечным. Этакая скорлупка, которая покачивалась на волнах. Паруса опущены. Но вот один раскрылся, чтобы повиснуть грязною тряпкой. Ветра нет. Корабль бессилен без ветра. А люди... людей не разглядеть, но они есть там. Как и чудовище с серебряной чешуей.

Длиннотелое.

Сперва я решила, что это змея, просто очень и очень большая. Кольца её тела появлялись из воды то тут, то там, вращаясь и вновь уходя в черноту.

– Что это за... – Теттенике стиснула мою руку, но боли я не ощутила. А потом вдруг лицо степнячки дрогнуло, и черты на нем изменились, будто сквозь один облик другой проглянул, настоящий. И в этом уже облике я её почти узнала.

– Надо... дорога... там... идти... иначе умрут. Все умрут. Она не знает. Не понимает. Она спешит исполнить договор, но ошибается! Она все сделает не так! И мы... мы умрем!

Слышала. В страшных муках.

А тварь, подняв из воды длинную узкую харю, раззявила пасть.

И главное, даже здесь я услышала протяжный крик. Мерзкий крик. Крик, заставивший Теттенике содрогнуться. Она вдруг закатила глаза и осела на пол.

Вот ведь.

И что мне делать?

Я обернулась к зеркалу, а то, словно издеваясь, погасло.

– Ну ты и дрянь! – не удержалась я.

А она лишь рассмеялась.

Та, что скрывалась по другую сторону.

Ничего. Хорошо смеется тот, кто...

– А теперь послушай меня, – внутри клокотала ярость. Это была очень холодная ярость, которая сделала мои мысли ясными. А планы – безумными. – Ты, конечно, древнее со-

здание. И сильное. Но это ничего не значит. Сколько ты там сидишь? Много. Сотни лет. Тысячи. За это время мир изменился. Империи не стало. О ней забыли, как забыли и о тебе.

Я никогда не умела говорить вот так. Спокойно. С показным равнодушием.

Учусь?

Зеркало молчало.

– Не знаю, зачем, но тебе нужна я. Иначе ты не начала бы игру. Что ж, я готова. Пусть это будет глупостью, но... я приду. И она вон тоже. Две дуры.

Темнота.

– Только, чтобы мы успели вовремя, нужно постараться. Тебе. Ты ведь управляешь этим зеркалом, так? Стало быть, посмотри, есть эта самая зачарованная дорога, о которой девочка говорила.

Я выдохнула.

А зеркало... зеркало осталось неподвижным.

– В противном случае мы просто останемся в Замке. Может, конечно, ты и сумеешь обойтись без нас. Может... освободишься. Уничтожишь мир. И нас заодно. Что тебе нас жалеть.

Нечего.

Я бы не пожалела.

Зеркало вздохнуло.

– Но тебе ведь не этого хочется, так?

– Злая ты, – она появилась из темноты. И не одна. Мла-

денец на её руках сидел тихо. И было в нем что-то донельзя неправильное. Я не сразу поняла, что именно.

Пропорции тела.

Слишком маленькая голова. Слишком длинные руки и ноги. Слишком худые и... и сам он похож на взрослого. На маленького взрослого.

– Мой сын. Ему надо. Отсюда. Мы долго ждали. Долго-долго. И он прятался. Но он умрет. Тут. А там... – она махнула рукой. – Там ему будет хорошо. Нам будет хорошо.

– Ясно.

Я ничего не поняла и поскребла рог.

– То есть... ты хочешь уйти из этого мира. Верно?

Демоница кивнула.

– И если я помогу...

Ребенок смотрел на меня синими-синими глазами. Ясными такими. И... и видел. Куда больше видел, чем хотелось бы. А потом он улыбнулся, и моя душа не то, что в пятки ушла. Она в подвалы замка провалилась. Сердце окаменело.

Демоны видят силу?

Я видела.

И... и этот младенец был не просто силен.

Младший бог.

– Хорошо, – я сглотнула, хотя рот пересох, и высохший, драл горло. – Я... постараюсь... помочь. Но и ты тоже. Что ты можешь?

– Мало, – демоница не задумалась с ответом. – Смотрю.

Смотрю. Мало. Дорогу не знаю. Раньше... давно...

Она задумалась ненадолго.

– То место, где ты, оно было другим. И раньше. Он приводил. Показывал. Старый замок.

Это я и без неё знала.

– Что еще он говорил?

– Сюда приходили не просто так. Здесь... гробница. Древняя.

Кажется, я начинаю догадываться, какая именно.

– И первый Император. У него еще корона была. Такая. Страшненькая, – демоница похлопала себя ладонью по макушке. А я подумала, что вот она сильна, но рогов у неё нет. И как это понимать? Может, они вовсе не обязательны? И если так, то избавиться от них... надо попробовать.

Правда, как?

– И еще меч. Он показывал... говорил, что тот, кто возьмет этот меч, он станет настоящим Императором. Но у него не вышло. Да и как могло, если меч каменный? – она сказала это с немалой убежденностью. А я спорить не стала. Каменный, так каменный.

Зато теперь понятно.

Гробница сперва была тайной, а потом нужда в тайне отпала, зато появилась необходимость в символе. Вот её и рассекретили, а заодно уж и антураж соответствующий создали. Статуи. Ворота золотые.

– По обычаю Император проводил там три ночи. Перед

тем, как венец примерить. Настоящий, – уточнила демоница. А ребенок сунул палец в рот. И... и пусть страшненький до ужаса, в том смысле, что всякий раз, как на него смотрю, сердце останавливается, но ведь все равно ребенок.

А они с ним вот так.

– Новый Император приносил дары. И добавлял летописи.

На дверях.

Ну... в моем мире тоже некоторые летописи добавляли, причем большею частью бестолковейшие. А тут целый император. И сомневаюсь, что самолично.

– Сам должен был, – уточнила демоница, словно подслушав мои мысли. – На золоте. Силой. Есть такой способ, когда сила находит материальное воплощение. И еще карту правил. Говорил, что раньше каждые десять лет надо было. Чтобы память потомкам. И летопись величия. Да...

Летопись, чтоб их...

– Я сама не видела. Нельзя. И он тоже. Потом. Признался. Что у ворот был. И в зале славы – тоже. А потом... потом его кровь не пустила. Там не любят тех, у кого кровь. Демонов. Но если тайный путь где-то и начинался, то там.

Логично.

Наверное. Или нет?

Демоница чуть поерзала.

– Он любил её.

– Кто и кого?

А то я совсем запутаюсь.

– Ричард. Первый Император. Это... отец, правда, не верил. Сказал, что это глупости, но ведь рассказывали.

Ничего не понимаю, но слушаю. Как-то... вдруг и пригодится. Заодно уж время подумать будет.

– Он был великим. Он создал Империю. И женился.

Равноценные события.

– Но он не любил жену. Только убивать почему-то не стал. Наверное, родственники её бы обиделись. Я так думаю. Сивеллы тоже обиделись, когда я вырвала сердце их наглой девке. Но она сама виновата! – поспешила заверить демоница.

А я кивнула.

На всякий случай. Виновата, так виновата. В чужие разборки лезть – себе дороже. Особенно, если отношения выясняют две демоницы.

– Вот. И от жены у него были дети. Старший стал вторым Императором.

Пока версии сходятся.

– Только у Императора. Первого. У него была еще одна женщина. Не знаю, почему он на ней не женился.

– Потому что уже был женат? – предположила я, покосившись на степнячку, которая так и лежала, не подавая признаков жизни.

– И что? – искренне удивилась демоница. – Кому это мешало?

Действительно.

– Наверное, тоже побоялся. У отца были три жены, но

он привязался к одной рабыне, так её отравили. Отец очень сильно ругался.

Да уж. Сложные жизненные обстоятельства.

– Это старшая, – выдала демоница. – Мама бы не стала. У мамы свой любовник имелся. Зачем ей?

Еще более сложные, оказывается, чем я предполагала.

– Так вот. Он там умер. У тебя.

– У меня еще никто не умер, – огрызнулась я и на всякий случай степнячку потрогала. А то мало ли. Но та вроде дышала. Притворяется? Спит? Или и вправду что-то...

– Ты поняла, – демоница обиженно отставила губу. Правда, обижалась она недолго. Кажется, одиночество и вправду изрядно ей надоело. – Он поставил для нее неприступный замок. И поселил. И ездил к ней. Часто. Однажды поехал и умер.

Печалька.

Но молчу. Молчание – оно золото.

– За ним явились. Сыновья. Хотели увезти. Похоронить в другом месте. Достойном. Чтобы все могли увидеть и восхититься.

Ну да, есть и у нас подобные привычки.

– Но оказалось, что они не могут. Что... тело не выносятся!

А это стало неприятным сюрпризом, я полагаю.

– Тогда они и устроили здесь погребальницу, – демоница поскребла себя за ухом. А уши у нее были полупрозрачные

и слегка вытянутые.

– А та женщина, что с нею стало? – тихо спросила я.

И почему это важно?

История ведь... не просто древняя. Она к нынешним делам отношения не имеет. Почти.

– Не знаю. Может, убили. Может, в жертву принесли. Какая теперь разница?

Никакой.

Зато... дорога.

Есть одна дорога, на которую не способны ступить ни живые, ни мертвые, если они не принадлежат роду Архаг. Она ли это? Или нет? Та дорога ведет в пещеру с покойниками. И... и не логично.

– Отец говорил, что никакой женщины не было. Но тогда для кого построили замок? И почему Ричард сюда ездил? И... и похоронили его тоже здесь. Поэтому всем остальным тоже пришлось сюда ездить. А это долго. Неудобно. Да! А еще он ездил так, что никто не знал, как!

– То есть, тайная дорога все-таки может быть?

Такая, о которой не сохранилось данных, но лишь сказки, легенды, щедро приправленные выдумкой. Вот только выдумка порой недалеко от правды.

Думай, Жора.

Думай.

– Ты... поищи, хорошо? – попросила демоница. – А то и вправду тяжело здесь.

– Извини.

Мне почему-то было стыдно.

Она кивнула.

– Я... я никого не хочу убивать, – добавила демоница, обнимая ребенка. Тот не шевелился, и если бы не эхо силы, до меня долетавшее, я бы вовсе приняла его за игрушку. – Но он – это другое... он тоже устал. И ждал, ждал... и верните нас! Верните нас домой!

От внезапного её вопля стекла зазвенели.

А замок содрогнулся. Вдруг взметнулась пыль, закружила серым облаком и... и исчезла.

Твою же ж...

Глава 13

О том, что животные любят ласку

«И запела тогда лесная дева. Голос её предивный весенними ручьями разлился по лесу. И на песнь её откликнулись птицы. Вышли к деве звери, поклонились. А последним выступил могучий бык черной масти с рогами огромными, меж которыми дом поставить можно. Коснулась она быка ладонью, и пал тот, где стоял. А дева тогда обратилась к охотнику так: «Добыл твой старший брат лося огромного. Добыл твой средний брат медведя могучего. Но вот тебе бык, равного которому не осталось в лесах королевских. Возьми его голову и отнеси своему отцу. Тогда-то и он, и прочие, восхитятся удалью твоей. Ты же в награду проси лишь право привести в дом жену по своему выбору». Поклонился дева молодец. Да так и сделал».

Сказ о деве лесной и королевском сыне.

Когда зубастая пасть зависла над палубой, Ричард подумал, что древние картографы не так уж и заблуждались, рисуя тварей морских. А ему-то казалось выдумкой. Ну не могли создания сии быть больше корабля.

Оказывается, могли.

– Интересно, сразу сожрет или как? – брат Янош разглядывал змея с философской обреченностью. – А шкура у него

крепкая.

– Еще какая, – подтвердил Лассар с немалой охотой. – Некогда её по-всякому пробить пытались. И баллисты ставили, и жидким огнем кидались. И маги даже...

Змей, правда, отчего-то не спешил обрушиваться на корабль. Он выполз из воды, и теперь голова его покачивалась на тонкой шее, плавно переходившей в уже не совсем чтобы тонкое тело.

Ноздри раздувались.

И складывались.

И раздувались. А корабль полз к берегу. Медленно. Ветра нет... весла бы, но «Магда» – не весельное судно. От шлюпки уже и щепок не осталось.

И...

– Что они любят? – поинтересовался Ричард.

А змей тоненько засвистел. И в том свисте примерещился вопрос.

– Они часом не разумны?

– Не особо, хотя, конечно, умнее многих... попробуй поговорить.

С тварью, которой Ричард на один зуб? И о чем говорить? О погоде? Тиха сегодня ночь, самое оно для охоты... так. Успокоиться надо.

– Красивый, – сказал Ричард громко первое, что в голову пришло. И змей радостно свистнул, повернувшись другим боком. – Ты здесь давно?

Рядом с первой головой показалась вторая.

Потоньше. Поуже. И вообще было в ней что-то донельзя женское. И чешуя розовым отсвечивала. Или просто показалось?

– Я здесь никогда не был. Предки мои родом отсюда...

Голова наклонилась.

И опустилась. Опускалась она медленно. Очень, очень медленно. И Ричард застыл под взглядом ярко-желтых, словно из янтаря выточенных, глаз.

– Возможно, когда-то подобные тебе им и служили, – слова давались с трудом. А люди отступили. Куда-то взяли и... и может, пока Ричард отвлекает тварей, они попытаются спастись? Должны быть еще лодки. Или вплавь... нет, плавать здесь – так себе идея.

Помимо змеев может водиться что-то.

Тварь приоткрыла пасть и выдохнула. Зеленое облако полетело к кораблю, накрыло его. И кто-то закашлялся от зловония. Ричард задержал дыхание, надеясь, что облако это не ядовито.

Просто...

Где ему зубы чистить-то? Змею?

А корабль качнулся. И рядом с бортом из воды поднялся влажный бок чудовища. Серебряная чешуя переливалась в лунном свете. А кольцо росло, росло...

– Вот же ж...

– Угомонись, – буркнул Лассар. – Пока они просто инте-

ресуются.

Морда наклонилась.

Ближе.

И еще ближе.

И Ричард решился, выпустив на ладони тьму. Мягкий пуховой клок её заставил змея радостно заскрежетать.

– Тихо ты, – сказал Ричард, уже почти успокаиваясь.

Ему бы не помешал повелитель разума... или кто-то, кто разбирается в животных. Ричард заставил тьму подняться. Еще немного выше. И больше. Он скатывал из нее шар, черный, как нынешнее небо. А змей смотрел, радостно посвистывая.

А когда шар сорвался с ладони, змей вытянул длинный тонкий язык и слизал его.

Зажмурился.

Из ноздрей его вырвалось облачко тумана, а Ричард все-таки прокашлялся. От дыхания водного чудовища драло глотку.

А змей качнулся.

И ушел под воду, но слева с требовательным свистом появилась еще голова.

– Ты их того... подкорми пока, что ли? А то ветра нету и вообще... хрен его знает, сумеем ли подойти.

Дэр Гроббе смотрел на змеев.

И на берег.

И на Ричарда. Впрочем, все смотрели на Ричарда. Кажет-

ся, даже Легионеры.

Второй змей, проглотив сплетенный из тьмы шар, тоже исчез под водой. А вот третий нырнул, чтобы показаться с другой стороны.

– Молодой, любопытный... – проворчал Лассар, когда змеиная морда, которая была покрупнее конской, показалась над кораблем.

Теперь было отчетливо видно, что круглые глаза твари слабо светились, как и чешуя, от которой на досках оставался тонкий перламутровый след. Заскрипел и опасно накренился корабль.

– Тише ты, – сказал Ричард и, решившись, хлопнул по морде ладонью. – Потопишь сейчас.

Змей свистнул и приподнялся.

А чешуя у него сухая. И горячая, как не бывает у рыб. Крупная. Каждая чешуйка – с ладонь Ричарда, и не гладкая вовсе, а шероховатая.

С узором.

И дыхание тоже горячее.

И сам он... нет, Ричард далек от того, чтобы понять мысли змея, если они вообще имелись. Но вот сейчас он четко понимал, что зверь не опасен.

Что он и вправду молод.

Любопытен.

Что здесь, в закрытой бухте, ничего-то не происходит, а потому большую часть времени змеи спят, там, внизу, за-

рывшись в теплый мягкий ил. Иногда их сон тревожат, что люди, что твари.

Но змеи давно научились справляться и с тем, и с другим.

Стражи.

Вот, пожалуй, именно, что стражи. Созданные для этого в незапамятные времена, змеи и ныне помнили о том, что должны делать.

Охранять.

Не пускать.

Никого. Никого из тех, кто не знает, как обозначить себя. А Ричард, выходит, знает... или просто повезло.

– Послушай, – почему-то не отпускало такое же ясное ощущение, что змей превосходно понимает человеческую речь. Или не совсем речь? Тьма тоже умеет говорить. И если так, то это шанс, которым стоит воспользоваться. – Во-первых, нам надо туда.

Ричард указал на берег, который был близок и недоступен, потому что змеи змеями, а вода водой. Вплывь он все-таки не рискнет.

Змей свистнул, и на свист его отозвались. Из моря поднялись еще две головы. Старший... старший смотрел на Ричарда. А Ричард теперь смотрел на него.

Тепло.

Давно.

Он пытается рассказать, этот змей. И Мудрослава точно поняла бы все, таков её дар, а потому жаль, что Мудрославы

здесь нет. Сам Ричард тоже пытается... слушать?

Город.

Корабли. Картинки ясные. И сменяют друг друга. Город другой. Змеи тоже видят разницу. И тот, что поднялся из вод, тогда был очень-очень молод. Его только выпустили в бухту, чтобы он здесь набрался сил, перед тем как отправиться в открытое море.

Он помнил.

И город. И море, которое имело совсем другой вкус, чем там, где змей рос. И корабли.

И погонщика, что приходил, садился на старую лестницу. Он приносил бараньи туши, потроха и тьму. Тьма была иной, не такой, как у Ричарда, но змею нравилась. Погонщик иногда разговаривал. Он знал, что Змей должен понимать речь.

Речь понимал.

Людей нет.

Но потом однажды что-то случилось.

Тьма.

Она пришла из города, она спустилась по каменным лестницам в море, и отравила их. И само море поднялось. Была буря. Такая сильная, что море вышло из берегов и взобрались по старой каменной лестнице, чтобы затопить улицы. А вниз спустилась тьма. Она была злой, как и создания, что её несли.

Картинки менялись быстро.

Странными они были. Очень. Змеи все же видят иначе,

нежели люди.

– Хороший, – сказал Ричард, постаравшись говорить мягко. Змей... он тоже понимал.

Город. Море. Корабли.

Чудовища.

Огонь, который разливался по бушующим волнам. И это было противоестественно, а потому страшно. Змей спрятался. Он давно нашел пещеру, там, под городом, в которую и забился.

И сидел.

Долго.

Даже голод не заставил его выйти. Сперва. Потом уже, когда тьма пропитала и воды, а голод сделался невыносим, змей все же покинул убежище.

Города не стало.

Но память... память была.

И теперь Змей был рад, что дождался. Чего? Кого? Человека, который умеет ловить тьму. Раньше её было много. А теперь море почти очистилось.

Плохо.

Для змея.

Тьма нужна.

– Я понимаю, – Ричард протянул руку, и её осторожно коснулись. Эта голова была огромна. Пусть бы корабль и не поместился в пасти змея, но... удара могучего тела хватило бы, чтобы расколоть его.

Теплый.

И гладкий.

– Они голодали, – сказал Ричард для других. – Они так привыкли к тьме, что в море им плохо. Вот и держатся поближе к городу... но сейчас... ты сможешь? Добраться до берега? И корабль...

Наверное, не самая здравая идея, но других нет.

Змей свистнул.

И приоткрыл рот. А Ричард создал еще один клубок. Тьма... тьма чувствует, что нужна. Странная она все-таки.

– Поможешь?

Змей покачнулся.

Да.

Он сделает.

Он все сделает, только бы снова не оставаться в одиночестве. Долгие сны. Долгие дни. Много долгих снов и долгих дней. Он так больше не хочет.

– Спасибо. И еще... где-то здесь должен быть еще корабль.

Ричард попытался представить ладью островитян, надеясь, что змей поймет хоть что-то.

– Если они еще живы, их тоже надо принести сюда. Мои люди. Мои, – он повторил это вслух и приложил ладонь к груди.

Змей медленно погрузился в воду. И остальные.

Несколько мгновений ничего не происходило. А потом

корабль вдруг задрожал, и медленно плавно начал подниматься.

– Что за... – дэр Гроббе обеими руками вцепился в борта. – Держитесь, мать вашу! Сейчас прокатит!

«Веселая Магда» многое повидала на своем пути. Она ходила по мертвым водам, куда честные корабли, если и заглядывали, то лишь волей случая. И пробиралась по затянутому зеленой морской травой пути. Она доходила до Огненной земли, воздух над которой кипел от жара, и до далеких, мало кому известных Северных островов.

Она спасалась бегством.

Играла в прятки в зыбком предрассветном тумане, что часто поднимался на рифовых отмелях. И сама уже искала хитрых крутобоких купцов, что надеялись на спасение.

Она... стреляла.

Горела.

Дважды садилась на мель. Но еще никогда за долгую для корабля жизнь свою не поднималась по-над морской гладью на спине сказочного чудовища.

– Кому сказать, не поверят, – пробормотал дэр Гроббе, глядя вниз. Внизу было черно и странно. С боков «Магды» летела вода, и капли разлетались с глухим чавкающим звуком. А где-то далеко блестела змеиная чешуя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.